

ПО ТУ СТОРОНУ ТАЙНЫ

ГАБРИЭЛЬ ЛЕГЭ

ЧЁРНАЯ МЕССА

По ту сторону тайны

Габриэль Легэ

Чёрная месса

«ВЕЧЕ»

1903

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фр)

Легэ Г.

Чёрная месса / Г. Легэ — «ВЕЧЕ», 1903 — (По ту сторону тайны)

ISBN 978-5-4484-5429-5

Франция в эпоху Людовика XIV. Красивая и амбициозная маркиза де Монтеспан хочет стать новой фавориткой короля, который уже не испытывает прежней страсти к Луизе де Лавальер. Маркиза почти уверена в успехе, но, чтобы побороть последние сомнения, обращается к гадалке, чьими услугами пользуются многие знатные дамы при дворе. Гадалка, оказавшись еще и колдуньей, уговаривает маркизу просить содействия у темных сил и пройти страшный ритуал под названием «черная месса». Этот ритуал должен помочь маркизе не только завоевать сердце Людовика XIV, но и стать новой королевой Франции. Маркиза готова на все ради короны и еще не знает, что придется принести в жертву свою истинную любовь.

УДК 821.133.1-311.6

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-4484-5429-5

© Легэ Г., 1903

© ВЕЧЕ, 1903

Содержание

Пролог	6
Глава I	13
Глава II	17
Глава III	24
Глава IV	27
Глава V	31
Глава VI	35
Глава VII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Габриэль Легэ Чёрная месса

Серия «По ту сторону тайны»

Перевод с французского под редакцией *С.С. Лыжиной*

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Пролог

В эпоху, когда Версаль преобразовывался и становился городом, в одной из его еще неоконченных улиц, недалеко от шоссе, которое вело к пруду Кланьи, можно было видеть очень кокетливый, маленький, уединенный домик среди лужаек и боскетов¹, скрывавшийся в громадном безмолвном парке.

Это был павильон, подаренный королем Франции своей любовнице, белокурой Луизе Лавальер, предпочитавшей этот уединенный и таинственный уголок пышным апартаментам Сен-Жерменского замка и Брионского дворца.

С конца осени и до весны Луиза Лавальер ежедневно, в полдень, приглашала туда придворных кавалеров и дам для утонченных развлечений. Часто великолепные экипажи возвещали даже присутствие короля...

В марте 1666 года, при наступлении вечера, вскоре после того, как уже удалились приглашенные фаворитки, из дома вышла дама и села вместе со своею спутницей в карету, ожидавшую у подъезда.

– Куда прикажете, маркиза? – спросил лакей, стоя у открытой дверцы экипажа.

– В Сен-Жермен, – ответила дама, – и скорее!..

Экипаж помчался.

После долгого молчания дама обратилась к своей спутнице:

– Только бы нам приехать вовремя в Сен-Жермен, дорогая Дэзэльё! Я не хотела бы сегодня вечером опоздать к игре королевы... Я думаю, там будет король.

– Без всякого сомнения, он будет, сударыня. Потому что вы будете там, – ответила спутница. – Одно ваше присутствие заставит его величество...

– Только мое присутствие?.. Для чего опять эта лесть, Дэзэльё? – спросила дама тоном жеманного упрека.

– Это не лесть, маркиза, я говорю искренне. Если бы король не обратил внимания на вашу красоту, то вряд ли появлялся бы так пунктуально каждый вечер, чтобы присутствовать при отходе ко сну ее величества.

– Вот именно: вы льстите, повторяю вам, Дэзэльё... Страсть короля к Луизе Лавальер попрежнему презирает все интриги. Ничто не отвратит его величества от этой подруги, которую королева, слишком любезная и добрая, взяла к себе только по настоянию своего августейшего супруга. Нет, слышите ли вы, нет такой силы, чтобы изменить это!

– Разве только сила ваших прелестей, маркиза, – ответила спутница. – И это вполне объяснимо. Тщетно его величество осыпает милостями Луизу Лавальер. Есть признаки, предвещающие близкий конец этой сильной страсти. Госпожа Шуази, опытная в любовных делах, в этом не ошибется, и с намерением, которое легко угадать, она хочет представить ко двору одну молодую девушку, красота которой не смягчает ее глупости... Сомнительно только, чтобы король поддался очарованию этой провинциальной барышни. Впрочем, если госпожа Шуази не достигнет этой цели, другая может достичь... Почему бы вам, сударыня, не быть этой другой? Король любит находиться в вашем обществе, и разве не шепчут по всем углам, что его величество так часто посещает свою любовницу лишь затем, чтобы видеть вас? Вы – из семьи Мортемар, сударыня, потомок господствовавших в Лиможе виконтов. Разве может бороться против вашего рода, ваших прелестей и обаяния какая-то Лавальер, не обладающая умом, и к тому же дочь провинциального дворянина?

¹ Боскет – то же, что живая изгородь. Группа кустов или деревьев с плотной кроной, обычно подстриженных в виде геометрических фигур.

И спутница стала бесконечно превозносить прелести и прекрасные черты своей госпожи, которая, мысленно унесясь к далеким видениям, теперь молчала, захваченная в ловушку этих искусительных слов.

Дама, снисходительно внимавшая похвалам своей ловкой наперсницы, принадлежала к семейству Рошешуар. Ее отец, маркиз Габриэль Рошешуар, герцог де Мортемар, владелец Вивонна, принц де Тонне-Шарант, женился на Диане Грансеннь, дочери Жана де Марсильяка, и от нее родились один сын и четыре дочери.

Разоренный вследствие войны во время Фронды², герцог печалился, что не вернет прежнего блеска своему дому. Впрочем, верность, которую он во все времена выказывал к Ришелье и затем – к кардиналу Мазарини, давала ему право на придворные почести. Таким образом, благодаря приобретенному высокому положению он смог выдать замуж старшую дочь за Клода-Леонара де Дама, маркиза Тианжаса, а сына женить на богатой наследнице, Антуанете де Мэм, единственной дочери Анри – владельца Руасси, председателя парижского парламента, и Мари де ла Валлэ-Фоссе – маркизы д'Эверли.

Для своей второй дочери, красивой и ученой Марии-Магдалины-Габриель де Рошешуар, он добился аббатства Фонтевро, а что касается самой младшей, Франсуазы-Атенаисы де Тонне-Шарант, то в 1660 году он представил ее ко двору, и она была назначена фрейлиной королевы. Красота новоприезжей была замечена тотчас же по ее прибытии в Сен-Жерменский замок, но склонность красавицы к едким нападкам и замечаниям способствовала появлению многочисленных недоброжелательниц среди ее окружения. По счастью, примерная набожность защищала эту девицу де Тонне-Шарант от самого жестокого злословия.

28-го января 1663 года она в свою очередь вышла замуж за дворянина старинного рода. Это был Луи-Анри де Пардэльян де Гондрэн, маркиз Монтеспан, на один год моложе ее. Молодой маркиз оказался человеком храбрым и умным, но со своими причудами, а также тщеславным и болтливим. Его единственное достояние состояло из титула и замка Белльгард, расположенного, как орлиное гнездо, на вершине крутой скалы Пиренейских гор.

Герцог де Мортемар обещал за дочь в приданое сто пятьдесят тысяч ливров; с трудом ему удалось внести шестьдесят тысяч, которые он был вынужден занять. Подобная сумма не могла считаться достаточной, чтобы удовлетворить растущие запросы обоих супругов.

Сознавая свою красоту, Атенаиса де Мортемар, до этого времени державшаяся в тени, захотела ослепить всех. Никакое празднество при дворе не обходилось теперь без ее появления там в самом богатом наряде, в самых редких драгоценностях. Надо сказать правду: она была так прекрасна, что все приходили в восторг от ее «длинных белокурых волос, голубых глаз, полных огня и вместе с тем нежности, от восхитительной белизны ее кожи и изящества талии».

Со своей стороны маркиз Монтеспан не упускал ни одного устраиваемого королем развлечения: «охоты, игр, балетов, прогулок, проходивших почти ежедневно и против суетности которых не переставал восставать на кафедре архидиакон Метца, аббат Боссюэ».

При таком образе жизни шестьдесят тысяч ливров де Мортемара быстро иссякли. Молодая пара, обремененная долгами и тревожимая со всех сторон кредиторами, чтобы поддержать эфемерный блеск, вынуждена была прибегать к уловкам.

Постоянные неприятности, создавшие Атенаисе такое непрочное существование, жестоко оскорбляли ее гордость и, прежде всего, заставляли винить во всем мужа. Несмотря на это, слишком гордая, чтобы выказать свою досаду, она продолжала казаться «властной, высокомерной, господствующей, насмешливой, с такой грацией, которая извиняла ее надменный вид».

Пользуясь доверием королевы Марии-Терезы и в то же время являясь подругой Луизы Лавальер, маркиза Монтеспан в своем бедственном положении была очарована богатством и

² Фронда – ряд антиправительственных смут, имевших место во Франции в 1648–1653 годах.

почетом, окружавшими любовницу короля. Она мечтала о таком блеске днем и видела во сне ночью. Кто-нибудь должен помочь ей осуществить ее честолюбивые мечты!

У маркизы Монтеспан служила в качестве компаньонки одна молодая женщина из буржуазных слоев, госпожа Дэээльё, которая посредством ловкой лести сумела заслужить благоволение своей госпожи и, мало-помалу, сделаться ее незаменимой наперсницей, почти другом. Высокая, темноволосая, она была очень образованна, с редкими способностями, но кокетка, порочная, вечно снедаемая любопытством и завистью. Госпожа Дэээльё скоро поняла характер госпожи Монтеспан. Компаньонка была посвящена во все хлопоты и заботы своей хозяйки. Ум Дэээльё никогда не дремал, ожидая благоприятного часа для какой-нибудь интриги, и она не переставала льстить своей надменной госпоже.

Дэээльё первая пробудила в сознании Атенаисы смелую мысль сделаться фавориткой короля, вытеснив Луизу Лавальер, а, чтобы помочь делу двигаться быстрее, компаньонка пробудила в душе маркизы Монтеспан наихудшие инстинкты.

Маркиза находилась в то время, в 1666 году, в зените своей красоты и казалась моложе, чем Луиза Лавальер, которая, однако, была на два года младше ее. А ведь Лавальер на тот момент являлась матерью двоих детей, сына и дочери, но сохранила юную грацию.

Лавальер просила советов маркизы во всех случаях, касавшихся украшений и нарядов, и не считала опасной замужнюю женщину, свою близкую подругу, которой вполне доверилась.

Поэтому маркиза Монтеспан в сопровождении Дэээльё еженедельно ездила в Версаль к легковерной фаворитке. Там маркиза часто встречала короля, который вскоре заметил «эту торжествующую красоту».

Впрочем, и царедворцы по своей привычке поспешили обратить внимание его величества на эту «умную и столь приятную в разговоре женщину».

Сама королева, часто остававшаяся в одиночестве, не могла более обходиться без своей придворной дамы, то есть без маркизы. Вечером Мария-Тереза призывала ее в свою комнату, и Атенаиса забавляла королеву своими рассказами, тонкими шутками, остротами и этим укорачивала длинные часы, проходящие в ожидании короля. Наконец, когда король удостоивал свою супругу визитом, Атенаиса еще задерживалась, разговаривая и очаровывая короля какими-нибудь ловкими остротами, ухитряясь представить в смешном виде толпу своих обожателей, со дня на день увеличивавшуюся. Людовик стал замечать отсутствие маркизы, когда она не являлась к королеве пред ее отходом ко сну, что, впрочем, случалось редко.

Меж тем Луиза Лавальер потеряла свой нежный блеск. Злые языки уже удивлялись продолжению ее связи с королем, находя молодую женщину «такой некрасивой». Страсть короля, которую наперебой воспевало столько поэтов и писателей, была в агонии, и это ни от кого не ускользнуло, а от госпожи Дэээльё – тем более. Поэтому компаньонка не ошиблась, обратив внимание своей госпожи на эти признаки охлаждения.

Итак, в один из вечеров по дороге в Сен-Жермен госпожа Дэээльё напомнила маркизе Монтеспан о том, что король скучает в ожидании новой любви.

Когда карета прибыла в Сен-Жермен, маркиза тотчас же отправилась в свои апартаменты. Многочисленные горничные поспешили разложить платья, драгоценности и дорогие кружева, а госпожа Дэээльё принялась одевать маркизу.

– О, как вы прекрасны, сударыня! – прошептала компаньонка. – И как бледнеют пред вами другие придворные дамы!.. Ах, сударыня, король был бы бесчувственным камнем, если бы устоял против стольких прелестей!..

– Опять, моя добрая Дэээльё, – небрежно побранила ее маркиза Монтеспан. – Зачем каждое мгновение напоминать мне об этой несбыточной мечте, которая приводит в отчаяние более красивых, чем я?

– Более красивых, чем вы, сударыня? Но вы – небесное светило, которое ослепит взор короля! Кто же затмит такую красоту? Не госпожа ли Монако? Не княгиня ли д'Аркур? Гос-

пожа дю Рур? Госпожа Лонгваль? Сама герцогиня Орлеанская? Нет! Разве вы не лучезарны? Разве перед вашим очарованием можно устоять? Король, как вы сами прекрасно знаете, не может более обойтись без вашего присутствия, без вашей блестящей находчивости и без вашей всепобеждающей красоты... Лавальер также знает, что каждый день понемногу похищает у нее могущество, и она дрожит перед красноречием зеркала! Она предвидит, увы, что наскучит королю, и он скоро обратит свои разочарованные взоры на другую. Это будете вы, сударыня! Вы, которую король встретит на своем пути, и сорвет вас, как срывают прекрасную розу любви!

– О Дэээльё, Дэээльё! – пробормотала маркиза, раздумываясь от волнения. – Зачем искушать меня? Зачем волновать мое сердце безумными химерами?

– Химерами, которые станут действительностью, сударыня... Никакое препятствие не помешает свершиться вашей судьбе.

– Моей судьбе?.. Можно ли предсказать будущее, Дэээльё? Один Бог знает человеческую судьбу. Думать иначе – богохульствовать, – строго сказала маркиза Монтеспан.

– Нет, сударыня, – почтительно заметила компаньонка. – Это совсем не богохульство, потому что Бог наделил небольшое количество избранных способностью проникать в будущее...

– Что ж, любопытно, как же эти избранные, или «математики» – так они заставляют себя называть, – научились разбирать то, что кажется для всех непроницаемой тайной.

– Как разбирать, сударыня? – переспросила компаньонка. – Но им достаточно знать день и час рождения, а затем начертать систему, где в тот день и час разные звезды находились на небе. И согласно хорошему или дурному влиянию светил, их виду, противостоянию, совпадению двух планет на одной и той же части зодиака... Эти люди могут достичь, с помощью расчетов, самых точных результатов в предсказании человеческой судьбы.

Маркиза подняла взгляд на компаньонку, нисколько не убежденная.

– Впрочем, допускается, – снова заговорила госпожа Дэээльё, гордясь возможностью показать свои знания, – что все звезды, господствующие при рождении ребенка, отпечатывают на его руке известные линии или очертания, и что, согласно их положению или виду в частях руки, соответствующих каждой из семи планет, можно узнать все события жизни ребенка. Но также можно решить задачу неба во время рождения ребенка посредством известного количества точек, которые свойственны планетам и двенадцати знакам зодиака. Сопоставление этих точек называется «гороскоп», о котором я говорила вначале.

Госпожа Монтеспан становилась внимательнее, а Дэээльё продолжала:

– Не создал ли Господь, сударыня, небесные светила? Не поместил ли он их в небесной тверди, чтобы освещать землю и отделять дни от ночи, обозначать время и времена года? Светила – как священные книги, сообщающие нам о великом движении дней и лет. Но так как светила не говорят о нем ничего конкретного, то неудивительно, что человек научился узнавать количество и движение небесных сфер и причисленных к ним звезд. А затем, как естественное и необходимое следствие, он дошел до предвидения всех перемен времени и даже до суждения о влиянии, которое они могут оказать на все подлунные тела, то есть на нас. Это, сударыня, наука. И очень позволительная наука!

– Ах, – возразила, улыбаясь, маркиза. – Если бы моя ученая сестра Фонтевро была здесь, как она перевела бы вам предостережение поэта, впрочем, языческого:

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi
finem di dederint³.

³ Не спрашивай, нельзя знать, какой мне, какой тебе конец предначертали боги (*лат.*). Из «Оды к Левконое» (сб. «Оды», I.11) Горация.

– К тому же я, – продолжала маркиза, – как добрая христианка и признавая закон, данный Богом евреям, имею повод бояться вашей темной науки. Вспомните страницу библейской Книги Исхода: «Не терпи женщин, использующих колдовство и волшебство». И также из Книги Левит: «Не отвращайтесь от бога вашего, обращаясь к чародеям, и не советуйтесь с прорицателями, чтобы не оскверниться, обращаясь к ним».

Госпожа Дэээльё не смутилась.

– Разве я не христианка? Ни за что на свете я не хотела бы оскорбить Бога, нарушив его законы! – Затем она быстро прибавила: – Но невозможно отрицать, сударыня, влияние этих высших сил, которые нас удивляют. Однако есть еще другая наука, более возвышенная, которую знают одни только патеры.

– Священники? – перебила ее маркиза Монтеспан.

– Да, сударыня, патеры, то есть посвященные в таинства благочестивые люди, находящиеся ежедневно во время церковной службы в общении с Богом. Им дана власть производить таинство пресуществления⁴, поэтому они владеют чудесными тайнами судьбы. Это – священные посредники между человеческой душой и небом. Посредством их прямого общения со Святым Духом они знают то, что невозможно знать другим людям. А с помощью особых обрядов они часто вопрошают другой мир и даже добиваются милостей для своих неопценных близких: они исполняют все их желания! Я твердо верю всем сердцем, как смиренная прихожанка церкви, что приподнимать завесу будущего позволительно. Нет, сударыня, это не грешно!

Маркиза Монтеспан, только что надевшая на шею ожерелье из трех рядов настоящего жемчуга, стоя пред зеркалом, любовалась эффектом, который производил этот убор на ее ослепительно-белой шее.

Госпожа Дэээльё продолжала:

– Вот почему, сударыня, я хотела бы знать, что приготовила вам судьба. Настолько велика моя привязанность к вам, что я решилась...

Маркиза Монтеспан обернулась к своей напернице:

– Как вы осмелились, Дэээльё?..

– Да, сударыня. Небо меня привело к той, оккультные знания которой, согласно дате вашего рождения, дозволили мне провидеть вашу чудесную судьбу.

Маркиза Монтеспан знала, насколько еще велико народное легкоеверие. Более четырехсот прорицателей будущего имели тогда в Париже совещательные кабинеты. Тем не менее, подстрекаемая живым любопытством, она позабыла о зеркале, в котором рассматривала свой наряд, и насмешливым тоном спросила:

– Неужели, Дэээльё?.. Кто же эта искусная особа, делающая такие чудесные гороскопы?

– Ее репутация столь велика, что нельзя сомневаться в ее способностях.

– Но как ее имя? – настаивала маркиза Монтеспан.

– Ее зовут Катерина Дезэ.

– Катерина Дезэ? Действительно, графиня Суассон недавно, во время поездки двора в Муши, расхваливала талант этой женщины, этой Вуазен, как ее называют.

– Очень возможно, маркиза, так как я знаю, благодаря нескромности одного друга детства, в данный момент наставника пажей, что маркиза Суассон, как и многие другие, прибегала к помощи Катерины Дезэ и очень расхваливала результаты. В свою очередь и я захотела познаться со знаменитой прорицательницей. Однажды я ее встретила в маленьком деревенском домике, которым владеет мой друг, близ деревушки Мениль, около замка Вилльбузэн, и мое любопытство было удовлетворено. Ах, сударыня, если бы вы могли поверить в Катерину Дезэ!

⁴ Таинство пресуществления – понятие, означающее символическое превращение хлеба и вина на богослужении в тело и кровь Христову.

– Я боюсь быть проклятой, Дэээльё, – прошептала маркиза Монтеспан, уже колеблясь.

– Быть проклятой, сударыня!.. Деяния Катерины Дезэ могут быть лишь приятны Богу, так как сам Бог дал ей столько знаний. Кроме того, самые достопочтенные патеры – ее близкие друзья: аббат Гибур (главный патер графа Монтгомери), суровый аббат Сент-Амур (ректор Парижского университета) и аббат Мариетт (патер Сен-Северина, близкий родственник председателя Мэмского суда), не считая других, усердно посещают ее.

– Очень хорошо, Дэээльё, – перебила маркиза Монтеспан спокойнее. – Все подобные сношения идут на пользу той особы, знакомство с которой вы, по-видимому, оцениваете так высоко... Но вы знаете, как я всегда опасалась всех составителей гороскопов.

– Ваше недоверие, сударыня, действительно может быть законным относительно предсказателей, размножившихся в Париже и злоупотребляющих наивностью людей... Но не такова Катерина Дезэ, знание которой обнаруживает совершенно особый дар провидения: она с девяти лет уже делала самые необычайные предсказания. Ежедневно масса влиятельных людей стекается к ней, и когда, два года тому назад, она отдала отчет в своем искусстве главным викариям и докторам Сорбонны, они ничего не нашли для возражения и остались от нее в восторге.

– Но наконец, что же необыкновенное сообщила вам эта женщина о моей жизни... будущей?

– Ах, сударыня, осмелюсь ли я только вам повторить? Надо попросить, чтобы сама Катерина Дезэ описала ослепительные фазы этой бесподобной судьбы... К тому же только ей одной принадлежит власть показать вам этот восходящий широкий и победоносный путь, блестящую дорогу вашего существования, в конце которого я вижу вас в ореоле славы и восходящей по ступеням трона Франции.

Последовало молчание. Маркиза Монтеспан несколько раз слышала, а именно от графини Суассон, об этой госпоже Вуазен, слава о которой уже была значительна, но она знала ее только как составительницу гороскопов.

Горячее убеждение, с каким госпожа Дэээльё восхваляла талант госпожи Вуазен, и умение, с каким она так быстро вызвала картину блестящего будущего, окончательно смутили маркизу.

Наконец слабым голосом она произнесла:

– Хорошо! Пусть госпожа Вуазен будет здесь через два дня. Я ее ожидаю в три часа.

Госпожа Дэээльё поклонилась.

– Ваши приказания будут исполнены, – ответила она просто.

* * *

В конце весны того же года, в темную ночь, чрез деревушку Мениль проехала почтовая карета. Свернув с дороги, которая вела из Парижа в Орлеан, на проселочную, она вскоре остановилась пред одним из тех старинных феодальных зданий XIV века, с темными стенами, бойницами и амбразурами, а также с высокими башнями по краям, зубцы которых выделялись на фоне неба тонкими зубчатыми орнаментами.

Это был замок Вильбузэн. Расположенный в полуверсте от королевской дороги, недалеко от Лонпона, в Иль-де-Франсе, он был относительно легко доступен. Однако его глубокие рвы, наполненные водой, и прочность стен делали из него настоящую крепость, надежное убежище преемникам феодальных владетелей, которые придумали эту тяжелую архитектуру.

Это неприступное жилище принадлежало тогда графу Франсуа Монтгомери, предок которого, несчастный герой турнира 1559 года⁵, спустя два года после Варфоломеевской ночи

⁵ Габриэль де Лорж Монтгомери на рыцарском турнире в 1559 году нечаянно стал причиной гибели французского короля Генриха II. Казнен в 1574 году, будучи предводителем гугенотов, восставших после Варфоломеевской ночи.

был обезглавлен. Через свой брак с Марией-Луизой де Бриссон, владелицей Вилльбузэна, предки которой владели этим замком уже давно, граф Франсуа Монтгомери, в свою очередь, сделался его владельцем. Слишком большой искатель приключений для того, чтобы жить в таком одиночестве, он покинул замок в 1664 году, и Вилльбузэн остался необитаем.

* * *

Три женщины, из которых одна была в маске, вышли из экипажа. При свете мерцающего факела они направились к подъемному мосту, который по условному знаку опустился. Та из женщин, которая освещала путь на несколько шагов впереди своих спутниц, заметила подходящего к ним человека высокого роста, закутанного в широкий плащ.

– Да, это точно мы, дорогой аббат, – сказала она, узнав его. – Вам нечего бояться измены... Все ли готово?

– Все, – ответила неизвестная личность и тихим голосом прибавила: – Ни в чем нет недостатка! Я смог раздобыть ребенка для таинства и восковые свечи... Вы видите, я следовал вашим инструкциям. У меня есть также два голубиных сердца, которые вы просили.

– Прекрасно, – ответила женщина. – Возьмите факел и проводите нас.

Затем, обратившись к обеим женщинам, она сказала:

– Не угодно ли следовать за нами, сударьни, господин аббат проводит нас.

Под впечатлением, без сомнения, темноты и безмолвия обе женщины, казалось, колебались. Та, которая обратилась к ним, снова заговорила.

– Не бойтесь ничего. Небо покровительствует тем, кто доверяет мне. Пойдемте... Час благоприятен для таинств.

Подъемный мост опять поднялся. Пройдя обширный двор, они проникли в часовню замка. Вскоре раздался звук колокольчика, послышалось монотонное пение, сопровождаемое молитвами и ответами, затем продолжительный жалобный крик нарушил ночную тишину. Затем снова все успокоилось. И в это уединенное место более не проникал другой шум, как только шелест деревьев, порою качающихся от ветра.

Глава I

По дороге из Сен-Жермена

В мае 1678 года при заходе солнца из Сен-Жермена выехал верхом дворянин и стал медленно спускаться вдоль косогора королевской дороги, ведущей в Париж.

Беззаботный, с развевающимся плащом, чрезмерно большим пером на шляпе, он отдался убаюкиванию спокойной рыси своего коня.

Дворянин только что переехал мост недалеко от Пэка. На порогах хижин, усыпавших дорогу, стояли девушки, подперев кулаками бока, и смотрели с наивным удивлением. Долго они следили глазами за красивым светловолосым всадником, который отличался тонкими чертами лица и гордым взглядом.

Бесконечное спокойствие разливалось теперь по долине. На горизонте медленно движущийся туман растушевывал косогоры, окружал, как ореолом, лес своей голубоватой перевязью. Большие придорожные деревья вяло склонялись под вечерним ветерком.

Всадник беззаботно направлялся к большому городу. Таким образом он проехал с полверсты.

Внезапно глухой шум, как бы раскат отдаленного и продолжавшегося грома, нарушил тишину сумерек. Приподнявшись на стременах, всадник осмотрел горизонт, тонувший в тени. Шум увеличился и казался совсем близким. Испуганная лошадь поднялась на дыбы и отказывалась двигаться вперед. Всадник соскочил с седла и, потянув за поводья, хотел ее усмирить.

Вдруг, на повороте дороги, поднимая облака пыли и со страшным шумом, в нескольких сотнях шагов показалась карета, запряженная четырьмя сильными лошадьми, которые неслись бешено, закусив удила. Форейтор, выбитый из седла, только что упал. Сидевший на козлах кучер обессилел, тщетно стараясь остановить взмыленных лошадей. Наклонившись над полуоткрытой дверцей, две женщины, с выражением смертельного ужаса на лице и готовые выбраться на шоссе, душераздирающими криками призывали на помощь.

Видя это, всадник более не колебался. Он бросился вперед, не обращая внимания на своего коня, одним прыжком очутился перед каретой и схватил за ноздри передних лошадей, которые от неожиданности круто попятнулись и упали в овраг, увлекая с собой смелого незнакомца.

Толчок был столь неожиданный, и лакеев так сильно тряхнуло, что они отказались от дальнейшей попытки удержаться и вскрикнув скатились на дорогу.

* * *

Густой туман рассеялся, небо зажгло свои первые звезды, осветив скорбное зрелище.

Лошади бились невыразимо, перепутавшись в остатках упряжи, с разодранными колесами и окровавленным ртом. Ось кареты была сломана и висела на одном из колес, наполовину оторванном.

Целые и невредимые путницы, но совершенно бледные, с широко раскрытыми от ужаса глазами, были неспособны понять, что произошло.

Лакеи и форейтор, отделавшиеся несколькими незначительными ранами, уже с трудом поднимались. Кучер, несмотря на толчок, удержался на козлах. Он скоро соскочил и поспешил к двум женщинам, которым помог выйти из кареты.

– Благодаря небу вы, маркиза, не ранены, – сказал он. – Это настоящее чудо... Но так ли Бог милостив к этому молодому человеку?

И с этими словами он поспешил ко рву, где лежал потерявший сознание всадник, с окровавленным лицом и в разодранной одежде. Его руки, казалось, сжались в последнем усилии.

– Молодой человек? – спросила дама, следуя за кучером.

– Да, маркиза, этот молодой человек, – ответил он, указывая на бесчувственное тело. – Мы ему обязаны спасением от смерти, почти неминуемой. Он бросился на передних лошадей, и, может быть, его решимость стоила ему жизни.

– Ах, несчастный! – воскликнула совсем растроганная дама. – Бог даст, еще не поздно помочь раненому.

Тотчас же она приказала своим людям перенести всадника на газон откоса. Когда ее приказ был исполнен, то она опустила на колени, затем положила свою белую руку на грудь раненого.

– Он жив! – воскликнула она. – Сердце бьется!.. Но как быть, Боже мой? Как быть, чтобы позаботиться о нем здесь, на большой дороге? У нас даже нет флакона с нюхательной солью!

– Действительно, маркиза, невозможно оказать какую-нибудь помощь молодому человеку в этой местности, – сказала компаньонка, присоединившаяся к маркизе. – Но совсем близко отсюда находится гостеприимный сельский дом. Ваши слуги легко донесут туда раненого, а в это время фореитор может отправиться в замок и привезти оттуда дежурного хирурга.

– Дом?

– Да, маркиза... дом, где, без всякого сомнения, нам окажут прекрасный прием.

И, склонившись к уху своей госпожи, компаньонка прошептала несколько слов.

– Ах, правда, я об этом не подумала! Следуйте за нами, Лафлёр, Жасмэн. Что касается вас, Лабри, вы сейчас же отправитесь в Сен-Жермен и попросите господина Феликса, хирурга его величества, немедленно явиться сюда. Вы ему скажите, что я велела его позвать.

Слуги с предосторожностью взяли больного и, предшествуемые путницами, направились к маленькому домику, окруженному стеной, заросшею плющом.

Дама и ее компаньонка скоро достигли главного входа. После нескольких ударов молотка они слышали смутный шум разговора и приближавшихся шагов.

– Кто там? – спросил наконец женский голос.

Тогда компаньонка произнесла как можно тише:

– Отворите, отворите скорее! Маркиза со мною.

Позади двери раздалось восклицание удивления.

– Скорее, Лезаж, Романи... Отворите...

Заскрежетала задвижка, и дверные створки повернулись на своих петлях. Тогда появилась освещенная факелом хозяйка дома между двумя мужчинами, которых только что звала. Она принялась рассыпаться в приветствиях, но была остановлена произнесенными вполголоса словами:

– Это ни к чему! Прикиньтесь, что вы не знаете ни меня, ни моей компаньонки. За мною следуют люди, и было бы лучше, чтобы они ничего не знали.

Хозяйка дома взяла факел из рук одного из своих спутников, и по ее знаку оба тихонько удалились.

Почти в тот же момент слуги принесли раненого.

Та женщина, которую на дороге называли маркизой, громко произнесла, обращаясь к хозяйке жилища:

– Простите, сударыня, что посторонние люди нарушили ваш покой в такой час... Но жизнь человека зависит от гостеприимства, которого я прошу у вас.

И в нескольких словах она рассказала о происшедшем.

– Ваш дом был так близко, – прибавила она, – и я не поколебалась попросить у вас помощи и содействия.

– От всего сердца, сударыня, благодарю, что вы подумали обо мне в таком печальном и несчастном случае.

Затем, обернувшись к слугам, хозяйка дома просила их следовать за нею.

Все поднялись по ступенькам широкого крыльца, составлявшего террасу, где сидела на скамье молодая девушка. Она встала при виде незнакомок и приветствовала их грациозным поклоном.

Здесь, на этой террасе, перед тем как раздались стуки в дверь, приветливая хозяйка и ее два друга засиделись среди теплой весенней звездной ночи, счастливые, что перед цветником, тонувшим в лунном свете, вдыхают запах первых цветов.

Хозяйка дома проводила гостей в комнату первого этажа, и слуги положили раненого на кровать под балдахином.

– Я послала за хирургом и думаю, что он не замедлит быть здесь, – сказала маркиза.

– Так как у меня есть несколько средств, то в ожидании я могу попытаться привести в себя молодого человека, – прибавила хозяйка дома и обратилась к молодой девушке, присоединившейся к неожиданным посетителям: – Маргарита, сходи, пожалуйста, в мой кабинет и принеси ларец.

Молодая девушка вскоре возвратилась с маленьким ящичком, наполненным различных размеров флаконами.

Омыв тщательно окровавленное лицо раненого, хозяйка дома смочила ему губы несколькими каплями красноватой жидкости.

Через полчаса он открыл глаза.

– Где я? – пробормотал он с удивлением, оглядывая окружающих его лиц. – Что же случилось?..

Благородная путница, охваченная сильным волнением, долго разглядывала того, кто спас ей жизнь, и, приблизившись, нежно взяла его за руку.

– Благодарю, сударь, благодарю... Вы вели себя как герой. Ваше имя?

Ослепленный красотой своей собеседницы, молодой человек совсем смутился и, немного приподняв голову, застенчиво сказал:

– Я – кавалер Оливье де Люссак, ваш покорный слуга.

– Король, сударь, сумеет отблагодарить вас как следует за ваше мужество...

– Король?

– Да, сударь, король. Вы спасли жизнь маркизе Монтеспан... и королю следует вознаградить этот акт самоотвержения.

Глубоко взволнованный Оливье, поборов страдания, причиняемые ранами, пробормотал:

– Поверьте, сударыня, ничто не может сравниться с удовлетворением исполненного долга.

В этот момент вошел в комнату хирург короля, Феликс.

Поздоровавшись с маркизой, он приблизился к постели и приступил к подробному осмотру раненого. Маркиза Монтеспан с беспокойством ожидала его приговора. Она испытала что-то вроде облегчения, когда наконец хирург объявил:

– Этот молодой человек, конечно, перенес серьезное падение, но у него нет никакого перелома. И очень возможно, что благодаря его здоровому сложению он вскоре будет вне опасности. Во всяком случае, ему необходим безусловный покой и самый внимательный уход.

– За этим дворянином будут ухаживать как следует, сударь, – сказала в свою очередь хозяйка дома. – Я оставлю его у себя до полного выздоровления. Мой дом будет его домом. Я приложу все усилия, чтобы смягчить суровость плена у госпожи Вуазен.

– Госпожа Вуазен?

– Да, это я, сударь.

– Значит, вы живете в Сен-Жермене, сударыня? – спросил доктор.

– Нет, сударь. Мое обычное место жительства в Париже, в Вилль-Нёв... Но для здоровья моей дочери я должна была купить этот дом в чистом поле, куда я сама иногда удаляюсь.

Услышав название этого нового парижского квартала, Феликс не мог сдержать жеста удивления.

– Вилль-Нёв! – воскликнул он. – Как! Это вы – та самая госпожа Вуазен?! Ваш талант, сударыня, сделал вас очень известной.

– Правда? Слишком много чести для меня быть оцененной таким достойным уважением человеком, как вы.

– Я могу только преклониться пред истиной, и я убежден, что никто лучше вас не сумеет помочь мне ухаживать за этим дворянином.

Затем, обратившись к маркизе Монтеспан, он сказал:

– Маркиза, моя карета к вашим услугам, чтобы возвратиться в замок. Мои слуги возвратятся за мною.

В 1678 году двор находился еще в Сен-Жермене. В Версале, оживленном целой трудолюбивой армией рабочих, тогда оканчивали строительство того чудесного дворца, где четыре года спустя король окончательно поселился.

Маркиза Монтеспан поблагодарила хирурга жестом и, приблизившись к госпоже Вуазен, протянула ей обе руки:

– Я никогда не забуду вашей доброй услуги, сударыня. Я оставляю под вашим надзором кавалера де Люссака. Я буду присылать ежедневно к вам за известиями о нем и, если надо, приеду сама. Еще раз благодарю.

В последний раз она окинула раненого взглядом нежного сострадания и, сопровождаемая своею компаньонкой, направилась по дороге в Сен-Жермен.

Глава II

Любовница короля

Итак, предсказание госпожи Дэээльё исполнилось. С конца 1666 года, несколько месяцев спустя после ночного визита в замок Вилльбузэн, маркиза Монтеспан сделалась любовницей короля.

В 1667 году король выказал пренебрежительную холодность при известии, что Луиза Лавальер только что подарила ему последнего ребенка. Нежная и верная подруга уже давно отжила в сердце Людовика. Маркиза Монтеспан торжествовала. Она сделалась матерью в 1669 году. Августейший любовник с радостью принял известие о новорожденном сыне любви, которого сделал герцогом Мэнским.

Между тем молодой маркиз Монтеспан, казалось, был мало расположен к дележу с Юпитером и ни за что не хотел принимать, как делали многие, выгоды такой скандальной связи.

Он стал жаловаться прямо королю, «приводя ему тысячу текстов из Священного Писания, между прочим из Давида⁶. И, наконец, наговорил ему много всего, чтобы обязать короля возвратить жену и побояться Божьего суда».

Король, несмотря на свое могущество, опасался, чтобы оскорбленный муж не явился в один прекрасный день требовать сына, которого родила монарху любовница.

Чтобы избежать скандала, который мог скомпрометировать королевское величество, Людовик приказал подать в Шатле прошение о разводе от имени маркизы Монтеспан.

7-го июля 1674 года генеральный прокурор Ашиль де Арлэ в присутствии шести судей благосклонно принял эту просьбу. Решение суда основывалось на растрате маркизом Монтеспаном общего состояния, несогласии между супругами и дурном обращении со стороны мужа, на которое жаловалась маркиза.

Таким образом, маркиза Монтеспан увидела, что все ее надежды исполнились. Она была теперь свободна от всех препятствий, так как Луиза Лавальер со своей стороны не хотела более оспаривать сердце Людовика.

20-го апреля 1674 года покорная и нежная герцогиня де Лавальер, сопровождаемая детьми, села в карету, которая отвезла ее в кармелитский монастырь в предместье Сен-Жак. Отказавшись от суетной славы двора и от любви, которую она посвятила королю, Луиза с этих пор стала называться в продолжение тридцати шести лет сестрою Луизой Сердобольной.

Маркиз Монтеспан после решения угодливых судей придумал оригинальную месть. Он еще помнил насмешливые слова, сказанные помимо прочих оскорбительных острот, которые беспощадно отпускала в его адрес та, которая была его женою: «Он здесь, как придворный сказочник. Мне стыдно, что он, как и мой попугай, забавляет толпу».

Поэтому покинутый муж порвал таким образом с прошедшим: он официально объявил о смерти жены, и по его приказанию похороны маркизы Монтеспан были пышно справлены. Это было очень забавно: муж, носящий траур по умершей, которая блистала теперь в лучезарной славе двора.

Вся знать, литераторы и артисты, считая и знаменитых людей, спешили в салон маркизы. В самом деле, никогда фаворитка не была так польщена и окружена столькими почестями.

Ея семья тоже была осыпана милостями: ее отец сделался губернатором Парижа, а брат Луи-Виктор, герцог Вивонн – начальником королевских галер.

⁶ Намек на историю о том, как замужняя красавица Вирсавия забеременела от царя Давида, а Давид пытался это скрыть, представив дело так, как будто Вирсавия забеременела от мужа.

Впрочем, все это счастье не обошлось без грозы. Чтобы удержаться, маркиза Монтеспан должна была противостоять многочисленным неприятелям. Министры, и также патеры с Боссюэ во главе, наносили ей удары, а «придворные дамы все время старались похитить у нее сердце короля, обладанию которым они завидовали».

Уже в 1673 году последовал разрыв, который, впрочем, был кратковременным: король, покинув свою любовницу в Куртрэ, бросился в Сен-Жермен к королеве, сблизился с нею и не покидал ее в течение нескольких дней. Но страсть отвлекла его от супружеских обязанностей, и он вскоре возвратился к Атенаисе.

Два года спустя, в 1675 году, неожиданное событие снова нарушило видимое спокойствие этой любви. В Великий четверг маркиза Монтеспан отправилась на исповедь к версальскому викарию, и тот, на ее отказ покаяться в прелюбодеянии, то есть в порочной связи с его величеством, не дал ей отпущения грехов.

Взбешенная маркиза Монтеспан пожаловалась версальскому патеру, который одобрил поступок своего викария и защищал его с Боссюэ пред королем. Они так хорошо это исполнили, что король подчинился их совету и, чтобы подтвердить свое намерение порвать окончательно с маркизой Монтеспан, тотчас же отправился в армию.

Маркиза Монтеспан должна была удалиться в Париж, который был ей назначен, как место изгнания. Каждый вечер Боссюэ, – которого она сначала осыпала упреками, обвиняя прелата в своем изгнании, чтобы одному господствовать над умом короля, – приходил ее уговаривать, чтобы она не сходила с пути христианского долга. Атенаиса, побежденная красноречивыми и набожными словами, казалось, решила расстаться навсегда со скандальной жизнью и попробовала полностью раскаяться.

Тогда по совету де Кондома, который был счастлив от такого сокрушения сердца, маркиза Монтеспан стала домогаться и добилась своего возвращения в Кланьи, в то предместье Версаля, где монарх выстроил для нее по плану Мансара превосходную резиденцию, окруженную великолепными и обширными садами. Королева Мария-Тереза, совершенно успокоенная, согласилась позабыть всю свою злобу, а чтобы более огласить это примирение, она сделала честь Атенаисе своими ежедневными посещениями.

На этот раз разрыв казался окончательным, и, желая разубедить неверующих, Людовик, по возвращении из армии, хотел в последний раз увидеть свою любовницу в присутствии госпожи Монтозье и герцогини Ришелье. Таким образом, оценив холодность его новых чувств, они должны были бы признать действительной его готовность расстаться с маркизой. Итак, свидание было устроено у маркизы Монтеспан, почти расставшаяся пара влюбленных удалась в широкую нишу у окна.

Но короля понемногу смутили эта снова близкая к нему надменная красота, волнующие воспоминания о слишком восхитительных часах, очаровательный и нежный голос. Королевская сила воли ослабла.

Он не мог устоять против сладострастного прошлого, появившегося, как искушитель. Он повинился этой изящной притягательной силе и послушно склонился пред могущественной тиранией тела, пробормотав несколько страстных слов. Затем, после глубокого поклона своим ошеломленным надсмотрщицам, Людовик и Атенаиса прошли в соседнюю спальню.

Король был вновь завоеван. Но недолго маркиза Монтеспан наслаждалась плодами этой новой победы. Ее неосторожность относительно любовных напитков едва не испортила всего: монарх сделался более пылким, чем когда-либо, одной женщины ему стало мало, и он запутался в многочисленных интригах, которых даже не скрывал. На этот раз все думали, что, наконец, звезда фаворитки побледнеет... Все – кроме Ментенон, которая писала: «Король непреклонен, но маркиза Монтеспан очень интересна, когда плачет».

Среди шестивия красивых женщин, которые повсюду сопровождали короля и были всегда готовы по одному знаку удовлетворить его капризы, он выбрал последовательно принцессу

Субиз, госпожу Лувињи, девицу Рошфор-Теобон, госпожу Лудр и еще других, которые лишь появлялись, исчезали, вновь появлялись в его сердце и на кровати...

Если Атенаиса могла буквально презирать этих эфемерных соперниц, то она должна была бояться одного мужчины и одной женщины, нежно и льстиво предупредительных.

Этот мужчина был маркиз де Лувуа, министр. А женщина – Франсуаза д'Обиньи, вдова поэта Скаррона.

Франсуаза д'Обиньи проскользнула ко двору и добилась должности воспитательницы маленького герцога Мэнского, первого сына Людовика XIV от маркизы Монтеспан. Своим очарованием, умом и видимой добродетелью она внушила королю почтительное расположение к себе. Очень набожная или, по крайней мере, притворявшаяся такою, она часто вела разговор с королем на религиозные и назидательные темы, в которых восхваляла сердечное спокойствие, доброту Провидения и тщету человеческих вожелдений. Людовик слушал ее с удовольствием и подчинялся влиянию ее пленительных и убедительных слов.

Уверенная во власти своей красоты и ума, маркиза Монтеспан не могла считать соперницей воспитательницу, в которой видела лишь скучную и болтливую святошу. Но как Атенаису, так и эту святошу снедало честолюбие, и вскоре оно родило в сердце короля страсть, которая, хотя была уравновешеннее других, тем не менее должна была привести Франсуазу д'Обиньи к браку, столь долго желаемому дочерью маркиза Мортемара.

Ловкая политика Франсуазы д'Обиньи обеспечила ей поддержку Лувуа. Незадолго до того министр Жан-Батист Кольбер, товарищ по службе и соперник Лувуа, выдал замуж свою третью дочь за герцога Мортемара, племянника маркизы Монтеспан, и сделался, таким образом, ее другом и союзником.

Но Лувуа ненавидел Кольбера. Ревнуя всех, кто мог навести тень на его влияние и авторитет, он пользовался каждый день расположением короля, чтобы уничтожить влияние той, которую он считал помехой своим смелым замыслам.

Атенаиса хорошо понимала, что ей надо всего опасаться в этой немой войне. До сих пор она умела сохранять милость короля. Теперь же, когда она достигла апогея своего счастья и мысленно подымалась по ступеням своей славы, в ее душе родилось опасение. Ее окружало столько ненависти, столько врагов желали ее гибели, что теперь она стала бояться непоправимого падения, после того как вкусила высшую радость возвышения.

Среди этих сомнений и беспокойств, при возвращении из Парижа от невестки, жены маршала Вивонна, с нею случилось неожиданное приключение, в котором она была обязана спасением жизни случайно встретившемуся на дороге отважному, молодому и красивому кавалеру Оливье де Люссаку.

* * *

Благодаря заботам госпожи Вуазен кавалер Люссак хоть и медленно, но поправлялся.

Ежедневно мать и дочь сидели около постели выздоравливавшего, которому очень нравились их разговоры.

Вначале великодушная хозяйка несколько его удивляла. По обыкновению спокойная и любезная, она иногда выказывала такую раздражительность, что даже увещевания и улыбка ее дочери не могли ее успокоить.

Эти внезапные перемены настроения, казалось, совпадали с посещениями двух личностей, которые раз в неделю оставались долгие часы с госпожой Вуазен в одной из комнат нижнего этажа, под спальней Оливье.

Тогда он слышал смутный шум разговора и ясный звон металла. Затем внезапно раздавались ругательства и жестокие споры, в которых слышался резкий голос дамы.

Наконец по песку аллеи слышались шаги, дверь входа с шумом захлопывалась, и госпожа Вуазен, поддерживаемая дочерью, старавшейся ее успокоить, возвращалась красная, с блестящими глазами, бормоча гневные слова.

Несмотря на это, Оливье соединял воедино свою благодарность как к госпоже Вуазен, так и к ее дочери, которые окружали его ревностным попечением.

Маргарита провела все свое детство в одном из монастырей Сен-Жермена, у сестер ордена Святой Урсулы. Она начала жить с матерью только недавно.

Госпожа Вуазен хотела дать воспитание принцессы этому белокурому, хрупкому ребенку, крестной матерью которого была дама высшего общества, герцогиня Рош-Гийон. Впоследствии, зная, как говорил Мольер, «des couleurs de toutes choses»⁷, воспитанная и образованная, она присоединила к природной прелести своей особы обаяние, заключавшееся в умении вставить словечко во все разговоры.

По причинам, лично ее касающимся, госпожа Вуазен отказалась оставить у себя Маргариту в Париже. Под надзором старой служанки она поселила дочь близ Сен-Жермена, в этом сельском доме, который она с этой целью купила и где сама иногда проводила несколько дней в хорошее время года.

Маргарита часто спрашивала мать о причине этого отдаления.

– Это воля твоего отца, – неизменно отвечала госпожа Вуазен.

«Моего отца?» – думала девушка. Но она его видела так редко, занятия обязывали отца отправляться в длительные путешествия.

С упрямством ребенка и женщины молодая девушка беспрестанно возобновляла попытку узнать причины своего уединения в глуши. Тогда госпожа Вуазен хмурила брови, и Маргарита, чтобы не огорчать мать, умолкала. С минуту она предавалась мечтаниям, а затем возвращалась к своей беззаботной мирной жизни.

Когда на синем небе сияло солнце, девушка блуждала в далеких прогулках, счастливая, что может вдыхать чистый воздух и послушать пение птиц. Она привыкла собирать по дороге самые прекрасные цветы. Она размещала их согласно времени года: розы – с белыми боярышниками; ландыши цвета слоновой кости – с синими барвинками; нежные цвета подснежников – с бледными незабудками, разрисованными золотыми точками; желтый ирис – с мальвою, хранившей в своем венчике меланхолическую тайну воды. Ее комнатку всегда украшал букет. Там она целыми часами читала, вышивала яркими шелками химерические лепестки, пела под аккомпанемент арфы, играла на шпинете⁸, изящно украшенном живописью, изображавшей в нежной позе пастушков, ухаживающих за восхитительными подругами.

Присутствие Оливье прервало эти приятные занятия, и время, предназначенное прежде на веселые прогулки в поле, протекало теперь возле больного.

Со своей стороны маркиза Монтеспан сдержала слово. Во время болезни Оливье она оставалась у постели больного, переживая неизведанное ею очарование от этих продолжительных свиданий наедине. Люссак изливал пред ней все, что переполняло его душу, и высказывал свои честолюбивые стремления и надежды.

Так, однажды он рассказывал ей о своей юности, протекшей в родительском доме – в старом замке, в глуши Пуату, в мирном и спокойном убежище, где ему исполнился двадцатый год.

Его история, похожая на историю многих дворян его лет, не поразила маркизы Монтеспан.

Воодушевленный высокими подвигами королевской армии, он нетерпеливо желал также служить своей стране и захотел уехать.

⁷ Цвета всех вещей (*фр.*). Иносказательно: «суть всех вещей».

⁸ То же, что клавесин.

Старый барон Люссак узнал об этом решении без изумления и гнева. Жизнь дворянина принадлежала королю. Одна лишь баронесса, нежная и богомольная женщина, огорчалась близким отъездом любимого сына. Но слезы матери не могли поколебать решения Оливье.

– Так как ты спешишь служить королю, дорогое дитя, – сказал барон, – ступай и постарайся покрыть себя славой. Помни, что наше имя – имя доблестных рыцарей, которые никогда не забывали своего прекрасного девиза: «*Usque ad finem fidelis*»⁹. Ты поедешь завтра на рассвете. Вот моя шпага. Возьми ее.

На другой день утром, когда наступил час отъезда, Оливье преклонил колено под благословение отца, в то время как мать, понуриив голову, молча плакала.

– Мой сын, – сказал старый барон, когда Оливье поднялся, – вот два письма: одно к старому патеру, моему другу, аббату Гибуру, который живет на улице Жан-Тизон в Париже, где он причислен к приходу Святого Евстафия. Он примет тебя наилучшим образом, и я уверен, что ты в нем найдешь совет и поддержку... Другое письмо к Дюфренуа, первому чиновнику маркиза Лувуа, канцелярия которого находится в Сен-Жермене. Когда-то я оказал ему услугу, и он много раз предлагал мне быть тебе полезным.

Таким образом Оливье с тяжелым сердцем уехал из дома. Он еще чувствовал на своем лбу жар от упавшей, как редкий подарок, слезы вместе с отцовским прощальным поцелуем.

– Я возвращался от господина Дюфренуа, – сказал он, окончив свой короткий рассказ, – чтобы отправиться в Париж для вручения моего второго письма аббату, когда на Сен-Жерменской дороге...

– Увы, кавалер, – прошептала маркиза Монтеспан, вспомнив о его отважном поступке, – я всегда буду сильно сожалеть, что была причиной такого ужасного несчастья.

– Сожалеть, сударыня? Зачем? Разве не ему я обязан честью и счастьем видеть вас здесь, возле меня?

Взволнованная маркиза Монтеспан ответила приветливой улыбкой.

Вдруг она вспомнила о госпоже Дюфренуа, которая, благодаря протекции Лувуа, потому что была его любовницей, получила звание «постельничей» королевы – должность и почетное звание, созданное нарочно для нее. У нее был брат, Даморезан, военный комиссар в Пиньероле, и сестра, вышедшая замуж за Сен-Марса, в то время подпоручика мушкетеров.

Маркиза Монтеспан удивилась, открыв в себе чувство ревности к госпоже Дюфренуа, недалекой, но очень красивой женщине. Может быть, Люссак также мог оказаться в плену неодолимых прелестей жены первого чиновника, как некогда пессимист Ларошфуко, автор «*Maximes*»¹⁰, который совершенно потерял голову (как писала госпожа Куланж к госпоже Севиньи), когда его впервые представили ей.

Эта мысль почти опечалила маркизу Монтеспан, и она спросила:

– Разве господин Дюфренуа обещал добиться для вас места в армии?

– Да, у меня есть его формальное обещание.

Затем, представляясь равнодушной, маркиза сказала:

– Его жена, без сомнения, произвела на вас неизгладимое впечатление, потому что сам Ларошфуко поддался ее чарам. Знаете ли вы, что госпожа Дюфренуа – самая красивая женщина при дворе?

– Я забыл о ней, сударыня, с того дня, когда увидел вас.

Этот комплимент понравился Атенаисе и успокоил ее.

Когда она стала замечать такую откровенность и прислушиваться к биению этого молодого сердца, мало-помалу в ней рождалось новое чувство. В душе маркизы, всецело предавав-

⁹ Всегда верен до конца (*лат.*).

¹⁰ «Максимы» – сборник философских афоризмов.

шейся страсти господствовать, возникла более нежная страсть. Возникла прежде, чем маркиза осмелилась признаться себе в этом.

Она находилась тогда под нежным влиянием восхитительного романа госпожи Лафайет «La Princesse de Clèves»¹¹, только что вышедшего с громадным успехом у Клода Барбэна. Аテナиса ощутила воображением «эту радость, какую дает молодость, соединившаяся с красотой, тот род смущения и замешательства во всех действиях, какое причиняет любовь в невинности первой юности». Некоторые места в книге, беспрестанно ею перечитываемые, воплотились в жизнь с Аテナисой, и она начала сама вкушать всю их восхитительную прелесть. Ей нравилось, что в Люссаке она нашла блестящий цвет рыцарства; его душа казалась ей как бы увеличивающим красоту зеркалом, в котором отражаются его восемнадцать лет.

Сначала маркиза боролась, призывая всю энергию, какую должна была обнаружить, чтобы сделаться более чем «сама королева»; она была удивлена, обнаружив в себе столько слабости относительно Люссака. Но между нею и ее спасителем появилась связующая цепь, кольца которой с каждым днем все более сжимались, становились короче, и фаворитка чувствовала, что слабеет пред его юностью.

Сорвать с этих юных губ незабвенный поцелуй, окружить свою красоту искренними нежностями, черпать радость из такой страсти, какую до сего дня ее честолюбие запрещало ей изведать, и наконец иметь возможность позволить расцвести в своем сердце этому цветку любви!.. Однако возможна ли эта мечта? Может ли она себя предложить сама, не уронив себя в собственных глазах и в особенности без того, чтобы не осталось в уме обожаемого Оливье некоторого презрения к столь податливой добродетели?

Это было последнее проявление гордости, последнее сомнение, которое удерживало Аテナису.

Вблизи стольких прелестей и чувствуя себя окруженным веянием ласки, Оливье Люссак, со своей стороны, допустил охватить себя смущению, причину которого по неопытности он не мог себе уяснить. Он чувствовал сразу стеснение и радость, беспокойство и надежду.

Мелкий сельский дворянин, храбрый и в то же время робкий, он смотрел на маркизу как на кумира – женщину и фею мечты; обладать ею ему казалось безумием. Подобная мысль не могла войти ему в голову, настолько было велико его немое восхищение, к которому примешивались опасение и желание.

Однажды вечером, сидя в широком кресле возле госпожи Вуазен и Маргариты, Оливье сообщал им о своих планах относительно будущего.

В полуоткрытое окно врвался благоуханный ветерок.

Оливье горячо благодарил госпожу Вуазен и Маргариту и обещал никогда их не забывать.

Так как он теперь выздоровел, то ему надо было покинуть этот гостеприимный сельский дом. Король, узнав о его храбрости, обратился к нему с комплиментами и с обещанием вознаграждения.

Без сомнения, он отправится в армию и покроет себя славою. Говоря о своих будущих подвигах, он оживился, его лицо порозовело, и он повторил в сердечном излиянии:

– Нет, дорогие друзья, никогда я вас не забуду.

– Никогда? – спросила госпожа Вуазен. – Ах! Ваши мысли уже заняты приятным предметом, и вскоре Маргарита и я исчезнем из вашей памяти...

– Что вы хотите сказать? – спросил он.

– Я читаю на вашем лице тайны вашей души.

Люссак покраснел и опустил глаза под инквизиторским взглядом госпожи Вуазен, которая продолжала:

¹¹ «Принцесса Клевская» (фр.).

– Удостоите ли вы меня своим посещением, когда узнаете, кто я? Только сила случая могла нас свести. Моя профессия... странная... заставит вас, без сомнения, обходить мой дом стороной и умерить вашу благодарность.

Люссак хотел возражать, но в эту минуту вошла маркиза Монтеспан.

Оливье хотел встать, но она остановила его жестом.

Мать и дочь, поздоровавшись с маркизой, потихоньку удалились.

Сев рядом, Оливье и Атенаиса начали разговаривать.

Это был один из тех разговоров, полных нежности, в которых маркиза находила удовольствие прислушиваться к излияниям Оливье, чтобы лучше обнаружить сокровища его любви.

Маркиза Монтеспан выразила Оливье свою радость, видя его наконец здоровым.

– Я обязан вам, сударыня, моим выздоровлением.

– Мне?

– Ваши мысли обо мне и ваши любезные посещения разве не заставили меня забыть мои страдания?

– Причиненные вам неосторожностью моих слуг... Вот за какую прекрасную услугу вы мне обязаны!

– О, сударыня, я слишком горжусь и слишком счастлив моею судьбою, потому что я имел счастье познакомиться с вами.

– Вы льстите, как царедворец!.. О! Я сказала гадкое слово, – заметила маркиза. – Вы так искренни!.. Простите меня, господин Люссак. Но меня так испортили напрасной лестью, я вижу столько умышленных интриг под личиной лести. Предо мною каждый день появляется столько ненависти, приукрашенной сладкими словами...

– Столько ненависти, сударыня? Разве можно ненавидеть красоту и доброту?

При этом вопросе, пробудившем в ней все скопившееся злопамятство и оживившем воспоминания о низких соперниках, пресмыкавшихся вокруг ее почти королевского могущества, Атенаиса почувствовала возмущение, которое вскоре подавила в себе. Нахмутив брови и устремив глаза на какой-то печальный образ в своем воображении, фаворитка смолкла. На ее ресницах показалась слеза.

– Ах, сударыня, я обидел вас? – спросил с беспокойством Оливье.

– Нет, сударь, печальные мысли причинили мне огорчение. Вы спрашиваете: можно ли меня ненавидеть? Выслушайте мою исповедь, сударь.

Наконец Атенаиса могла доверить ему свои печали. Она также открыла ему свою душу и поведала о тайнах, которые уже давно тяготили ее. Пред этим сердцем, знавшим только восхитительные волнения любви, она сдернула завесу с ревнивого лицемерия, подлости, алчности, одним словом – со всех пороков царедворцев.

Очень нежно, с ласковой улыбкой она умоляла Оливье не доверяться блестящей, но неверной наружности этого нового для него общества, которое вскоре он научится понимать. Она так хотела бы предостеречь его против ловушек, расставленных на каждом шагу.

– Смотрите, сударь, как я несчастна, – вздохнула фаворитка. – Посмотрите, как меня заставляют страдать!

И по ее щекам струились слезы.

Глубоко тронутый Оливье взял маркизу за руку и пробормотал:

– Ах, сударыня! Простите меня... Зачем я разбудил в вас эти тяжелые воспоминания?.. Ах! Если бы я мог только подозревать!.. Если бы я мог подумать!..

Атенаиса, чувствуя облегчение после своей исповеди, сказала нежно:

– Теперь я легче могу переносить оборотную сторону моей славы, потому что я встретила друга...

Более чем когда-либо жаждавшая утешений и нежности, она склонила голову на плечо Оливье и окинула Люссака благодарным взглядом.

Глава III

Слабости великого короля

Чтобы избежать пересудов, маркиза Монтеспан не считала нужным представить своего спасителя монарху сама. Она поручила эту заботу своему брату, маршалу Вивонну.

Людовик любил молодых смельчаков с пламенным сердцем, энтузиастов и людей, отличавшихся преданностью. За неимением личного гения он лучше других постиг изучение людей, судил о них вернее и скорее всех. С одного взгляда он умел читать в глубине души и оценивал по их стоимости.

Со свойственными ему изяществом и вежливостью, делавшими его первым дворянином в королевстве, король принял выражение верноподданнических чувств Люссака. Даже крайняя робость помогала кавалеру Люссаку еще более заслужить благоволение монарха. Мужественная же красота и откровенный вид сделали остальное.

Немного времени спустя после этого представления брат короля назначил кавалера Люссака придворным при своем дворе.

С этого дня для «почти королевы» и ее страстного обожателя началась жизнь, полная наслаждений, которые нарушались лишь ревнивыми, подсматривающими и неприязненными взглядами.

Чтобы скрыться от нескромных взоров, фаворитка покинула свои апартаменты в Сен-Жермене и удалилась в свой замок Кланьи. Там-то Оливье почти ежедневно виделся со своей любовницей...

Удивленный редкими появлениями маркизы Монтеспан при дворе, король пожелал узнать причину ее удаления. Атенаиса ответила, что у нее «припадки мигрени», и просила короля позволить ей продолжить ее пребывание в Кланьи.

Если Людовик XIV своим величием внушал уважение маркизе Монтеспан, и если она боялась короля – даже восхищалась им как мужчиной, – то, по правде сказать, она никогда не испытывала к нему искренней привязанности. Поэтому с тех пор, как истинная любовь овладела ее сердцем, равнодушие к Людовику все увеличивалось. Несмотря на все свои усилия и всю свою ловкость относительно сохранения в тайне своей страсти, маркиза более не умела скрывать стеснения, причиняемого ей присутствием коронованного владыки.

Людовик, заметивший это стеснение, тщетно пробовал найти причину. Хотя он не любил Атенаису, как прежде, и не скрывал свои мимолетные связи со многими придворными дамами, но он не мог оставаться равнодушным к ее раздосадованному выражению. Сначала в его уме зародились подозрения, но его гордость отринула их, и он приписал причину перемены ее настроения собственным изменам.

Однако от нетерпения знать истину он однажды утром неожиданно явился в Кланьи. В этот момент Оливье выходил из парка потайным входом... Если бы король явился несколькими минутами ранее, он застал бы кавалера Люссака. Людовик притворился, что не замечает досады, причиненной его нечаянным приездом, взял руку маркизы и поднес ее к своим губам...

– Ваше нездоровье обеспокоило меня, сударыня, и я лично приехал проведать вас.

– Правда? Вы слишком добры, ваше величество.

Несколько иронический тон этих слов не ускользнул от монарха.

– Могу ли я относиться к вам иначе, сударыня? – спросил Людовик.

Ничего не отвечая, маркиза Монтеспан холодно взглянула на короля. И король прочел в глазах Атенаисы все скопившиеся обиды. Он смутился, вспомнив свои любовные измены, и тогда увидел, насколько заслуживает упреков. Людовик не мог вынести ее испытующего взгляда; чувствуя некоторое угрызение совести, король понурил голову.

Более чем когда-либо, Атенаиса сознавала свое господство над ним. Продолжая подавлять короля своим немым порицанием, она забыла о страсти Люссака, чтобы воспользоваться выгодами, которые предоставил ей удобный случай.

Нет, она не сумеет отказаться от своих честолюбивых намерений! И любовь Оливье, как она ни искренна и ни велика, должна в этот момент исчезнуть пред королем, единственным дарителем богатств и славы!

Во что бы то ни стало надо укрепить поколебленное влияние и, обратив в ничто вероломные намерения врагов, наконец вернуть себе своего коронованного любовника. Нет никакого сомнения, что время еще не ушло.

Вопрос, заданный Атенаисе непостоянным монархом, дал ей в руки оружие, которым она может воспользоваться.

– Вы ничего не отвечаете, – сказал Людовик, который мало-помалу оправился. – Не причинил я вам какого-нибудь огорчения?

– О государь, если вы и причинили его, то я не позволила бы себе в этом признаться вам... Впрочем, на что же мне жаловаться?.. До сих пор вы меня осыпали вашими милостями, и я вам глубоко за это признательна... А если злые и завистливые люди пробовали своим злословием стереть мое имя из вашего сердца, то только на них направлены мои жалобы.

– Что вы хотите этим сказать, сударыня? – воскликнул Людовик, задетый за живое. – Вы забываетесь... Я не привык слушать клеветников, и если бы кто-нибудь, хотя бы самый знаменитый человек в королевстве, позволил себе вредить вам, я немедленно выгнал бы его, чтобы не обломать об его плечи моей палки. вспомните Лозена!.. Зачем с вашей стороны подобные намеки?.. Я – король, сударыня. Вы, кажется, об этом забыли.

– А король забыл, что он – отец моих детей?

– Нет, сударыня, я этого совсем не забыл и никогда не забуду. Я просто ответил на ваши неосторожные слова.

Это было как бы возмездие, которым королевское величество после отступления любовника отплатило высокомерной и хитрой фаворитке.

Маркиза поняла, что зашла слишком далеко. Внезапно она прибегла к крайним мерам. Она изменила свой гордый тон, сделалась смиренной, нежной и, дрожа от волнения, произнесла:

– О государь, простите меня, ради Бога.

Тогда королю показалось, что в затуманившихся слезами глазах Атенаисы появились мольба и глубокое сожаление.

– Государь, скажите, что вы прощаете меня... – повторила фаворитка.

Людовик, тронутый более, чем он хотел казаться, и боявшийся рыданий, ответил уже примирительным тоном:

– Кто же, сударыня, может остаться равнодушным к вашим просьбам?

– Ах, государь, – сказала Атенаиса. – Вы видите, я плачу потому, что вы меня более не любите.

– О сударыня! – воскликнул взволнованный король... – Можете ли вы этому поверить?..

– Увы! С тех пор, как я принадлежу вам, государь, столько препятствий встало между нами, что иногда – еще раз простите меня за мою откровенность – я сомневаюсь в вашей любви... Моя, поверьте, не ослабела ни на одну минуту, и мое единственное и самое большое удовольствие быть уверенной, что вы любите меня, как я вас люблю!

Ея нежный, ласкающий, несколько протяжный голос, прекрасные умоляющие глаза разом рассеяли опасения короля и напомнили ему следующие милые и правдивые стихи Лафонтена:

Paroles et regards, tout est charme dans vous...¹²

И Людовик нежно привлек в свои объятия Атенаису...

Еще раз «торжествующая красота» снова захватила свою власть.

¹² Слова и взгляды, все очарование заключено в вас! (*фр.*)

Глава IV

Соперница

Теперь счастье стало улыбаться фаворитке более, чем когда-либо. С тех пор, как она сделалась любовницей Оливье, никакое облако не омрачало этой не ведомой никем любви.

Со своей стороны, король отказался от всех эфемерных побед. Одна Атенаиса, по-видимому, овладела сердцем монарха.

В Новый год Людовик XIV выказал себя по-королевски великодушным относительно маркизы Монтеспан. Двор следовал примеру короля. Маркиза получила от брата короля золотую чеканную чашу, украшенную двумя рядами изумрудов и брильянтов, и два старинных серебряных кубка, на которых пурпуровый цвет рубинов смешивался с самым дивным блеском других драгоценных камней.

Все придворные кавалеры и дамы прислали ей великолепные подарки, и Франсуаза д'Обиньи, носящая титул маркизы Ментенон, тоже поспешила поднести ей свой подарок. Это был переплетенный в красный сафьян роскошный том, напечатанный на веленовой бумаге и озаглавленный: «Различные сочинения семилетнего автора». В нем она собрала все работы своего ученика, маленького герцога Мэнского.

Такая любезная предупредительность и столь деликатное внимание справедливо польстили гордости маркизы. Ее сила, влияние и авторитет казались с этих нор непоколебимо восстановленными.

Вкушая поэтическую любовь Оливье, она видела у своих ног не только самый блестящий двор, но также могущественного, блестящего монарха, победы которого в то время заставляли трепетать всю Европу.

Не без глубокого огорчения смотрела Мария-Тереза, как ее коронованный супруг выбирал публично из среды фрейлин любовниц, которых выставлял напоказ пред народом. Однако королева не докучала Людовику жалобами. Мария-Тереза довольствовалась тем, что втихомолку плакала, сохраняя нежность к неверному, и хранила данное ему слово.

Тем не менее теперь стало применяться самое строгое наблюдение, чтобы избавиться от возобновления других скандалов, а потому никто, даже король, не мог проникнуть в комнаты фрейлин.

Несколько дней спустя после Нового года, маркиза Монтеспан, в сопровождении короля, отправилась в Сен-Клу с визитом к принцессе баварской, второй жене Филиппа Орлеанского, брата его величества.

Едва только Атенаиса и Людовик вошли в зал, как фаворитка обратила внимание короля на одну из фрейлин, восхитительно прекрасную в своем длинном парчовом платье, окаймленном горностаем, которая почтительно их приветствовала вместе с другими дамами.

– О государь, – сказала маркиза Монтеспан, – посмотрите, какая восхитительная особа... Можно подумать, что это – великолепная статуя, изваянная из мрамора искусным художником! Это – Галатеея, которой не хватает, чтобы сделаться вполне живой, счастливого вмешательства богини любви... – Она похвалила фрейлину совершенно искренне, без всякой задней мысли, еще не зная, к чему это приведет.

– Кто же будет Пигмалионом? – ответил в свою очередь очарованный король.

Фаворитка с досады закусил губы: она поняла свою ошибку слишком поздно.

Заслужившей такое лестное восклицание монарха была Мария-Анжелика де Скорайль де Руссиль де Фонтанж.

Дочь руэргского дворянина, она совсем юной была привезена ко двору королевским наместником в Лангедоке, господином Пейром, и герцогиней Арпажон, которая добилась для

нее места фрейлины жены герцога Орлеанского. Правильные черты Марии Фонтанж, прекрасный цвет лица, прелестный рот, томные глаза, тонкая, гибкая, стройная талия, чудесное тело делали из нее восхитительное существо.

Таким образом, король возвратился из Сен-Клу в мечтательном настроении.

Несколько дней спустя богиня Венера оживила «великолепную статую» в объятиях нового Пигмалиона. Прекрасная молодая девушка заставила забыть Людовика о высокомерной красоте маркизы Монтеспан.

* * *

Что особенно ценил Людовик в Марии-Анжелике Фонтанж – это ее мягкость, свежесть, наивность лица и такую же нежную непосредственность в обращении. Он предчувствовал как бы отдых в этом капризном возврате его нежности. Он думал найти в этой новой любви благотворный приют. Это был мирный оазис, в котором наконец он освежится после непрерывных приключений своей жизни.

Романическая и без страсти, восхитительно застенчивая, девица Фонтанж была неспособна на сопротивление и согласилась сделаться любовницей короля без всякой честолюбивой мысли.

Сначала маркиза Монтеспан не очень беспокоилась. Разве Людовик не сам первый возвратился к ней за несколько дней до этого и разве она не поняла, благодаря силе ее объятий, насколько велико еще ее влияние на сердце короля?

Эта связь с Марией Фонтанж не могла быть чем-либо иным, как капризом, который скоро пройдет при одном воспоминании об опытных ласках, блестящем уме и чувственном превосходстве Атенаисы. Юная Фонтанж противопоставляла всему этому только приторные поцелуи и жалкое остроумие. Атенаиса быстро взяла бы верх над «красивой дурочкой», как ее уже все называли.

В данную минуту лучше приготовить западни, в которые неизбежно должна попасть ее слишком наивная соперница. Надменная маркиза Монтеспан хотела доказать, что она осталась «все-таки» госпожой – словом, прежней, чьи желания это приказ.

В то время место главной придворной дамы королевы было занято графиней Суассон, а маркиза Монтеспан уже давно присмотрела для себя эту должность. Добиться такого места в данный момент, когда все верили в опалу фаворитки, было бы, по ее мнению, доказательством ее продолжавшегося владычества над королем. Следовательно, ей пришлось прибегнуть к услугам Кольбера и поручить ему все хлопоты.

Король охотно согласился на просьбу министра. Он думал таким образом освободиться, по крайней мере на некоторое время, от требовательной и ревливой женщины и свободно вкушать наслаждение своей новой любви.

* * *

Едва протекли две недели со дня посещения Сен-Клу, как Мария Фонтанж была осыпана милостями. Опьяненная лестью, она отдалась своему счастью и не заботилась об интригах, которые мог породить ее слишком быстрый успех.

На последней неделе того же января месяца 1679 года брат короля давал бал в Пале-Рояле. Мария Фонтанж в великолепном наряде явилась туда в светло-сером экипаже, запряженном восемью лошадьми, и с лакеями, одетыми в светло-серые ливреи.

Она была в вышитом платье неопределимой стоимости, украшенном синими лентами. Среди облака кружев выступала ее белоснежная шея. Она в этот день выбрала прическу, кото-

рая с тех пор носила ее имя. Ее чудесные рыжие волосы падали тысячью локонов на виски и плечи, прибавляя к ее ослепительному цвету лица бесконечную нежность.

Высокая и стройная, она при этом обладала поступью королевы и была «прекрасна, как ангел».

Когда она вошла под руку с братом короля, раздался восторженный шепот.

Самые громкие имена Франции смешались в длинной анфиладе великолепно убранных зал. Свет люстр струился на драгоценные камни ослепительными и разноцветными огненными каскадами, феерически отражался в бесконечных зеркалах, скользил по обнаженным плечам, сверкал бесчисленным золотом среди шелка, бархата и кружев, тогда как тысячи улыбок расплывались, стройные талии кружились, тонкие руки поднимались и опускались в изысканной грации менуэта.

Праздник был в самом разгаре, когда возвестили о приезде короля. Он был в роскошной синей бархатной одежде с лентами того же цвета, сплошь покрытой тонкой и изящной золотой вышивкой, которая местами переходила в более плотную и богатую. Пуговицы его сверкали брильянтами.

Приняв почтительное приветствие приглашенных своего брата, Людовик с обычной ему любезностью отправился здороваться с дамами. Заметив Марию Фонтанж, он приблизился к ней и предложил руку раскрасневшейся от волнения и радости молодой девушке.

Людовик XIV всегда посвящал в свои любовные тайны Францию и Европу. Во всеуслышание возвещать о своих страстях казалось ему проявлением величия и благородства, очевидным доказательством могущества.

Он провел новую фаворитку в маленький уединенный салон, где ни один нескромный взгляд не мог осмелиться их поймать.

В это время среди приверженцев маркизы Монтеспан, которая хотела присутствовать на балу, успешно шли пересуды.

Никогда Атенаиса не была так блестяще прекрасна и одета с таким вкусом и богатством. На ней было платье из «массивной золотой материи, окаймленной золотым бортом, а над ним – волнистое золото, затканное смешанным золотом и делавшее столь восхитительной ткань, как только можно было придумать». В ее белокурых локонах был жемчуг ее прабабки, жены маршала Лопиталь, украшенный жемчугами и бриллиантовыми подвесками необычайной красоты.

Разумеется, «*Quanto va*»¹³, как ее называла госпожа Севиньи, заставляла забывать не только о других придворных дамах, но она затмевала даже девицу Фонтанж. Восторженные царедворцы смешались в похвалах и более не думали о новой подруге короля.

В этот час надменная Мортемар, лучезарная под огнем люстр и сравниваемая с молодой Марией-Анжеликой, заслуживала, чтобы к ней отнесли прелестные стихи деда госпожи Ментенон:

*Une rose d'automne est plus qu'une autre exquisite*¹⁴.

Все-таки при всей своей вполне расцветшей «изысканной красоте» она не могла оставаться равнодушной к слишком публичной неверности короля.

Бледная от негодования, она с досадой смотрела на удалявшихся любовников и принялась ошипывать кончиками зубов едва распустившуюся розу, раздавливая лепестки, упавшие на ковер один за другим, как слезы.

Люссак в качестве придворного герцога Орлеанского присутствовал на балу. Заметив Атенаису среди ее обожателей, он приблизился к ней с приветствием.

¹³ Как долго (*итал.*) – то есть «как долго она останется фавориткой».

¹⁴ Осенняя роза изысканней всех прочих (*фр.*).

Рассеянная и слишком уязвленная в своей гордости, маркиза Монтеспан не обратила внимания на присутствие Оливье. Она удалилась, бесчувственная к комплиментам, которые усердные царедворцы старались расточать по дороге, как бы в утешение ей.

Под горьким впечатлением столь жестокого поражения Атенаиса Мортемар ни о чем более не думала, как о мести.

Как! Она посвятила лучшее ее достояние, первый расцвет своей молодости этому капризному королю, который ради первой встречной красотки покинул ее, даже не взглянув. Сокровищнице ее ума, искусству ее ласк, покорности ее великолепного тела король ответил в высшей степени презрительно.

Казалось, Людовик иронически и безжалостно говорил ей этим: «Будь зрительницей своего бедствия!» И маркиза Монтеспан, прежде чем удалилась из блестящего зала, сыпала немymi угрозами в сторону Марии Фонтанж, своей хрупкой «соперницы, которая только что унеслась в вихре счастья».

Глава V

Договор

Со времени бала, данного в Пале-Рояле, Мария Фонтанж, или, как ее прозвала госпожа Севиньи – «единственная, Даная, божественная», продолжала торжествовать. Король, влюбленный как никогда, даже предложил ей герцогский титул, что довершило раздражение маркизы Монтеспан.

Слишком надменная, чтобы появляться при дворе, где все напоминало ей об опале, Атенаиса уединилась в Кланьи и в своей досаде пренебрегала даже кавалером Люссаком.

Она оставалась с госпожой Дэээльё, которая старалась вернуть надежду в сердце своей госпожи.

– Зачем вы терзаете себе душу, сударыня? – спросила наперсница. – И придаете такое значение неверности его величества? Король не применится к характеру Марии Фонтанж, зная ваш. И эта вспышка страсти продлится столько же времени, как и другие...

– Сомневаюсь, Дэээльё. Главное, чего король требует от любовниц – удовлетворения своего самолюбия. Если Фонтанж не обладает умом, то у нее достаточно красоты, чтобы удовлетворить гордость своего владыки.

– Разве его величество не всегда предавал огласке свои любовные похождения, даже мимолетные, сударыня? Как может он довольствоваться этой девушкой, у которой остроумия не больше, чем у кошки, а ума не более, чем у корзинки, и которая, как говорят, имела уже любовные связи в провинции? Принимая все это во внимание, можно сказать, что она не более чем прекрасная статуя. Сравнение вас с нею – разве не оскорбление для вас? Впрочем, король не может забывать, что он – отец ваших детей... Разве он не узаконил их через парламент?... Разве ваша семья не была осыпана милостями? Ваш отец не сделан герцогом и пэром и не занимает давно уже пост губернатора Парижа?.. Господин Вивонн, ваш брат, крестник его величества, только что сделан маршалом Франции. Ваш старший сын, герцог Мэнский, получил княжество Домб и графство Е. В 1675 году, когда ему было только пять лет, разве он не был уже сделан полковником пехотного полка маршала Тюренн?..

– Все это верно, Дэээльё... но Фонтанж уже готовы сделать герцогиней с двадцатью тысячами экю пенсии...

– Но вы, сударыня, разве не были назначены главной придворной дамой королевы, несмотря на все интриги?

– Прекрасное великодушие!.. Эта должность – подарок, который из учтивости оставляют женщине, когда ее более не желают... Никто не ошибается при дворе, а я менее всех... Ах, Дэээльё, если бы вы знали, как я несчастна!

И, вся в слезах, маркиза в изнеможении упала на диван.

– О, ради Бога, сударыня, – сказала наперсница, – не отчаивайтесь так!.. Не все еще потеряно... далеко от этого... Вы восторжествовали над другими затруднениями, и во что бы то ни стало необходимо, чтобы ваша судьба совершилась... Помните ли вы, сударыня, что предсказала вам однажды Катерина Вуазен?

– Катерина Вуазен?.. – прошептала маркиза, приподняв голову.

– Да, сударыня, Катерина Вуазен... Не хвалили ли вы всегда точность ее пророчеств? И с тех пор, когда впервые в замке Вилльбузэн – тому тринадцать лет – она пустила в дело весь запас своего искусства, разве не удовлетворялись все ваши желания? Каждый раз, когда вы опасались, что милости короля уменьшатся, разве вы благодаря ей не выходили победоносно из неприятностей...

– Не всегда, Дэээльё! Тому три года, когда по вашему совету я согласилась снова обратиться за помощью к этой женщине, и она вручила мне, не знаю, какой-то порошок, магическая сила которого должна была завоевать мне сердце короля. Пылкость его величества действительно сильно увеличилась, но он удовлетворял ее в другом месте, и количество его любовниц произвело скандал при дворе.

– Это верно, сударыня, но это были любовные связи, недостойные внимания, и король спешил возвращаться к вам еще более влюбленный, чем прежде. Вы видите, и на этот раз Катерина Вуазен не ошиблась... Почему в настоящем случае вы не спросите ее совета? Кто знает, как далеко простирается ее оккультическое могущество, странная ее сила?

Смущенная маркиза Монтеспан ничего не ответила. Затем внезапно, как будто овладев собою, она сказала:

– Вы правы, может быть, там спасение... Завтра вы отправитесь в Париж и привезете ко мне госпожу Вуазен.

* * *

На другой день, около двух часов, Катерина Вуазен явилась к маркизе Монтеспан.

– Я вами слишком пренебрегла уже несколько месяцев, – начала маркиза, указывая Катерине на кресло. – По правде, вы должны считать меня неблагодарной. Увы, на меня обрушилось столько грустных забот. Будьте уверены, что я не забыла ни вашей доброты к кавалеру Люссаку, ни того, что вы сделали для меня.

– Маркиза, вы всегда меня осыпали вашей милостью. Вы щедро мне заплатили за несколько услуг, которые могла оказать вам моя наука! И также большая честь – иметь возможность приветствовать сегодня ту, пред которой преклоняет колено король Франции. Разве нет?

Долго ловкая женщина стремилась польстить маркизе, рассыпаясь в похвалах. Однако лицо отверженной фаворитки омрачилось. Тоска сжимала сердце Атенаисы.

– Но что же с вами, маркиза? – спросила Катерина. – Почему эта внезапная тоска? Зачем эти тучи на вашем прекрасном челе?

Маркиза Монтеспан, прислонившись головой к парчовой подушке, ничего не отвечала, отдавшись вся своим мыслям.

С почтительной уверенностью госпожа Вуазен смотрела на маркизу, которая тщетно боролась, чтобы скрыть душевную смуту.

Наконец слова сошли с ее губ, и она медленно произнесла:

– Моя щедрость, сударыня, не может сравниться с вашими услугами... И если теперь мне надо будет пожертвовать состоянием, я отдам вам его, умоляя вас прекратить горькие испытания, которые я переживаю.

Последовало молчание. Затем маркиза снова заговорила:

– Однако, когда я вспомню о той борьбе, которая происходила во мне, прежде чем я согласилась на мистический ритуал, когда я думаю об этой первой мессе, которую служил на моем теле в замке Вилльбузэн патер графа Монтгомери, я не отваживаюсь снова отдаться, сударыня, вашим оккультным обрядам... С этой ужасной ночи, несмотря ни на что, меня преследуют угрызения совести, и мне страшно при мысли о том, чего еще вы потребуете от меня...

Но внезапно пред нею предстали недавние унижения, поведение короля, ослепительное торжество соперницы. Тогда в глазах маркизы Монтеспан блеснула молния мщения, и она призналась во всем, ничего не скрывая.

Невозмутимая госпожа Вуазен пристально смотрела на Атенаису, которая, оправившись, рассказывала о своих страданиях и оскорблениях, поправших ее гордость женщины, «почти королевы». Забыв о своем высоком положении, она, высокомерная Монтеспан, взяла в свои

наперсницы искательницу приключений. Когда она окончила свою мучительную исповедь, то упала, как бы уничтоженная, на диван.

– Я знаю обо всех ваших тревогах, маркиза, – сказала просто Катерина. – Я знаю все ваше томление...

– Правда? Вы это знаете?.. Почему же вы не пришли ранее?

Госпожа Вуазен торжественно встала. Маркизе показалась, что та, в своем темном платье, с вдохновенным взглядом, как будто выросла, стала больше и выше.

– Я пришла в свой час, сударыня. Послушались бы вы меня вчера?.. С тех пор, как король на мгновение оставил вас, чтобы улететь к другим любовным интригам, вы потеряли ко мне доверие. Сегодня, по счастью, вы велели мне прийти. Завтра, очень вероятно, было бы поздно... Да, я знала все. Я знала, какие жестокие страдания терзают вашу душу. Я знала, что вы хотите какую бы то ни было ценою вернуть сердце короля, уничтожив навсегда власть Марии Фонтанж, вашей соперницы... Все это я знала.

По мере того как прорицательница говорила, маркиза Монтеспан увидела, что Катерина Вуазен проникла в ее самые тайные планы. Маркиза находилась под каким-то обаянием, под властью, охваченная какой-то невыразимой тревогой.

Искушающие слова довершили работу, начатую ревностью, подстрекнули высокомерие и обласкали честолюбие...

Преобразившись, Катерина Вуазен пророчески продолжала:

– Я также знала, что вы позовете меня, и пришла возвратить вам, сударыня, потерянное счастье, если вы верите в меня. Ни сама королева Мария-Тереза, ни дофин не одержат верх над вами. Повторяю вам, сударыня, то, что когда-то я вам предсказала: маркиза Монтеспан, близок день, когда вы будете королевой, королевой Франции!

Высокомерная фаворитка поспешно соединила руки, склонила чело пред предсказательницей и с наслаждением выслушала последние слова: «Вы будете королевой Франции!» Тогда ее судьба вновь появилась пред нею блистательной. Однако ее ненасытное честолюбие, охваченное страхом, казалось, на одно мгновение дрогнуло пред чудовищным призраком. Слишком отдаленная греза заставила маркизу опасаться слишком близкой действительности... Вскоре маркиза Монтеспан спохватилась. Разве она не слышит уже оглушающего шума приветственных криков? Разве не видит себя окруженной всеми королевскими почестями? Разве не получает дани всеобщего уважения? Она была королевой, королевой Франции! Ее соперница плакала в тени, снедаемая ревностью, бессильная пред своей новой повелительницей... Наконец все королевство будет у ее ног.

Ничего более не существовало, как ее победа, и было лишь одно светило: ее гордость.

Маркиза Монтеспан склонилась пред будущим, как пред зеркалом, не смея дышать, чтобы не разрушить своим дыханием лучезарного видения.

Вуазен, стоя с высоко поднятой головой, содрогнулась. В ее глазах вспыхивал странный, меняющийся свет, и казалось, эти глаза что-то увидели в другом мире.

Протянув руку, как бы призывая в свидетели темные силы, она медленно произнесла каббалистические слова и повторила:

– Маркиза Монтеспан, вы будете королевой Франции!

И Атенаиса с благоговением прошептала:

– Я верю в вас...

Медленно Катерина опустила свою руку на плечо маркизы. Ее судорожно сжатые пальцы, казалось, еще усиленно перелистывали невидимые страницы книги судьбы.

Она приказала повелительно:

– Ожидаю вас ровно чрез месяц на улице Борегар в 11 часов ночи. До тех пор...

Госпожа Вуазен остановилась. Адская мысль пронеслась в ее мозгу. На ее лице появилось странное выражение. Она сказала с улыбкой:

– До тех пор счастливое событие докажет, что я думала о вас.

С этими словами, полными обещаний, прорицательница простилась.

Маркиза Монтеспан неподвижно осталась сидеть, опустив глаза. Порабощенная непреодолимой и магической властью, она только что заключила не заслуживающий никакого оправдания договор.

Как объяснить, что высокомерная маркиза могла так поддаться колдунье и верить в силу ее святотатственных обрядов? Ларошфуко, живший в близком общении с самыми умными женщинами своего времени и знавший хорошо маркизу Монтеспан, так как был женат на одной из девиц Вивонн, сказал по этому случаю еще один из глубоких по смыслу афоризмов: «Ум некоторых женщин служит для укрепления скорее их безумия, чем разума».

Глава VI

Игра в бассет у короля

Две недели спустя после памятного посещения Кланьи госпожой Вуазен, в Версальском замке, куда каждую субботу перебирался король со своими приглашенными, состоялась игра в бассет¹⁵.

Многочисленные роскошные экипажи останавливались в парадном дворе.

В сверкающих залах, откуда можно было видеть светящиеся фонтаны и большой канал среди обширных садов, еще загроможденных строительным материалом, блестящая толпа царедворцев уже беседовала и вела разговоры о победах и завоеваниях короля. Речь шла о том, что в его царствовании, как по волшебству, появлялись удивительные поэты, гениальные артисты и великие государственные люди.

В глубине галерей король любезно беседовал с окружавшими его дамами. В другом месте Ланглэ, квартирмейстер королевской армии, рассказывал маршалу Вивонну о последнем ужине, который он давал брату короля и его жене, а также герцогу и герцогине Вильяруа. Еще дальше госпожа Севиньи, Помпон, маркиз Данжо, Фонтенелл, Расин, Перро, Миньяр, Люлли сгруппировались вокруг Буало, забавляясь шутками, которые отпускал сатирический автор.

Около трех часов началась игра. Обыкновенно король играл в зале Марса. Самые крупные художники работали над украшением этой комнаты, роскошь которой превосходила всякое воображение. На потолке, расписанном Одраном, был представлен бог войны на колеснице, запряженной волками и окруженной гениями войны, которым циклоп раздавал оружие. Впереди колесницы, возле Сатурна летели История и Слава. На каждом конце салона находились два панно, кисти Жувенэ и Уасса. Первый изобразил победу, поддерживаемую Геркулесом, которую сопровождают изобилие и плодородие; второй представил страх, боязнь, ярость и ужас, которые овладели сильными мира.

Над этими сюжетами был нарисован род верхнего яруса, расположенного на карнизе, где множество детей, по-видимому, вооружались и занимались военными упражнениями.

Напротив в виде золотого барельефа находились пять картин кисти Жувенэ, Уасса и Одрана, напоминавших знаменитые исторические события: «Цезарь, делавший смотр своим легионам»; «Кир, произносящий речь перед войсками», «Деметрий Полиоркет¹⁶, берущий приступом город», «Александр Север¹⁷, лишающий офицера знаков отличия в присутствии своей армии», и «Марк Антоний, производящий в консулы Альбина».

Углы были украшены трофеями, которые юные амурсы украшали цветами. Над дверьми красовалась живопись Симона Вуэ, изображавшая правосудие, умеренность, силу и осторожность.

На высоком камине помещалось панно работы Веронезе, изображавшее «Святое семейство»; направо другое, его же работы – «Эммаусские пилигримы»¹⁸, а налево «Семья Дария» – Лебрена.

Вокруг большого квадратного стола, украшавшего середину комнаты, стояли четыре меньшего размера, поставленные треугольником, и шесть складных, предназначенных для игроков. Все они были покрыты зелеными бархатными скатертями с золотым галуном, и на каждом углу стояли серебряные подсвечники.

¹⁵ Бассет (бассета) – карточная игра, которую отличали очень высокие риски и высокие ставки. Была рассчитана на богатых игроков, которые могли за один вечер проиграть целое состояние.

¹⁶ Деметрий Полиоркет – полководец, один из преемников Александра Македонского.

¹⁷ Александр Север – римский император, последний из династии Северов.

¹⁸ Библейский сюжет о двух учениках Христа, которым он явился после своего воскресения, когда те шли в Эммаус.

Там-то, в этой зале, король, королева и вся королевская семья снисходили, чтобы играть со многими приглашенными, которые раньше никогда не имели этого счастья.

Таким образом каждую субботу многочисленное избранное общество собиралось в больших апартаментах. Одни выбирали какую-нибудь игру, другие смотрели, как играли, а многие предпочитали прогуливаться и любоваться бесчисленными чудесами. Можно было говорить громко, но, во всяком случае, не слишком возвышая голос, из уважения к королю. И только слышалось легкое перешептывание, которое никого не беспокоило.

Король переходил от одной игры к другой, но запрещал, чтобы при его приближении вставали.

Позади столов слуги, одетые в синие камзолы с золотыми и серебряными галунами, подавали игрокам карты, жетоны и все, что было необходимо. Даже иногда, как, например, в «Труа Madame»¹⁹, они избавляли игроков от труда считать и записывать взятки.

В вышеупомянутый день король сидел за главным столом, окруженный принцами и принцессами королевского дома, придворными кавалерами и дамами. Он держал банк. Брат короля, а также маршал Вивонн, граф Граммон, маркиз Данжо, Ланглэ, Мария Фонтанж, маркиза Монтеспан и госпожа Вивонн пантировали. Позади них приглашенные держали крупные пари.

Мария Фонтанж сидела справа от короля, к которому она наивно склонялась, в нежно-ласковой позе. Ее полуоткрытые губы создавали улыбку, похожую на два ряда жемчужин ослепительной белизны. Очарованные царедворцы слушали болтовню Марии и любовались ею, как роскошным, восхитительным и редким цветком.

Маркиза Монтеспан, несмотря на свою досаду, не могла избежать любезного приглашения короля. Впрочем, подкрепленная предсказанием госпожи Вуазен, она никого более не боялась. Надежда на близкую победу заставляла маркизу выглядеть совершенно спокойной.

Глубоким придворным поклоном ответила она при входе в зал на очень учтивый поклон монарха и, улыбаясь, как всегда, несколько высокомерно, села в конце королевского стола.

Новая игра бассет, очень похожая на ландскнехт, изобретенная итальянцем Бассетти и введенная во Франции венецианским посланником Жюстиниани, вскоре вошла в моду. Это была опасная игра. Луидоры и пистолы в ней проигрывались так же быстро, как и выигрывались. Хотя король был еще неопытен в этой игре, но он очень интересовался различными ее фазами, а также исходом партий. Когда он делал честь приглашать на бассет своих царедворцев, то рисковал крупными ставками и ворчал, если их не держали.

Несколько минут королю благоприятствовало необыкновенное счастье. Пред ним лежала груда жетонов на сумму в шестьдесят тысяч франков, что привело его в приятное настроение. Маркиза Монтеспан в значительной мере содействовала этому громадному выигрышу.

Обыкновенно она страстно интересовалась обращением жетонов.

На этот счет даже появлялись злорадные насмешки и забавные анекдоты, распространяемые остроумными царедворцами.

Но в этот вечер маркиза Монтеспан действительно не обращала никакого внимания на игру.

– Поистине счастье не очень любезно к нашей прекрасной маркизе, – прошептал Данжо на ухо маршалу Вивонну.

– Маркиз Сессак не может этого сказать, – ответил маршал.

Маркиз Сессак пользовался репутацией заслуженного шулера.

– Правда, сам он очень помогает счастью, – подтвердил Данжо.

– Жаль, что королю не пришла мысль устроить игру в салоне Меркурия...

– В салоне Меркурия?

¹⁹ Фортунка (*фр.*). Вид азартной игры, разновидность рулетки.

– Ну, да! Тогда бы маркиз Сессак, по крайней мере, находился под покровительством домашнего божества. Разве Меркурий не бог... игроков?

– А! Игроков! – заключил тихим голосом Данжо. – Вы слишком импонируете им, Вивонн. Скажите: бог маркиза Сессака.

Их разговор затерялся в сдержанном смехе.

Маркиза Монтеспан беспрестанно проигрывала значительные суммы. Тогда король впервые в этот вечер обратился к ней благосклонно-вежливым тоном.

– Обыкновенно вы счастливее, сударыня... Не больны ли вы?

– Я никогда не была так здорова, государь, как теперь... – ответила маркиза и мило прибавила: – Поистине я смущена, что ваше величество поинтересовались моим здоровьем...

– Ваше здоровье, сударыня, мне было всегда дорого.

Обменявшись этими учтивостями, король попросил брата в свою очередь держать банк.

Брат короля проиграл в четверть часа значительную сумму; его заменил Данжо. Счастье улыбнулось последнему, который после нескольких партий решил, что благоразумнее уступить место графу Граммону. Тот выиграл в несколько минут много тысяч золотом. Его соседом за столом был Ланглэ, но, находя генерал-квартирмейстера²⁰ слишком развязным, граф сказал ему с высокомерием вельможи:

– Маркиз Ланглэ, поберегите эти фамильярности до того случая, когда вы будете играть... с королем.

Можно ли было остроумнее и более жестоко напомнить Ланглэ о его настоящем происхождении?

В этот момент маркиза Монтеспан потеряла семьсот тысяч ливров.

Только что Сессак предполагал заменить Граммона, как внимание игроков было отвлечено шумом открывшейся двери в глубине залы.

В это время вошла личность в черной одежде. Это был толстый мужчина, среднего роста, с мужиковатым лицом. Не будь в его взгляде огня и особенного выражения, а в лице – воли, которую обозначала квадратная челюсть, все в его особе казалось бы вульгарным. И этот человек являлся королевским министром!

Он приблизился к столу Людовика и почтительно ожидал, чтобы монарх удостоил заметить его присутствие.

– Вы здесь, Лувуа? – сказал удивленный Людовик XIV, заметив министра. – Что же случилось?

Лувуа склонился к королю и произнес несколько слов.

Царедворцы ступевались и внутренне спрашивали себя, какое важное событие и какая важная причина могли заставить маркиза Лувуа прервать своим появлением королевскую игру. И они делали втихомолку тысячу предположений, тысячу комментариев.

– Какую новость принес еще этот лесной волк? – сказал кто-то.

– Этот Лувуа всегда становится разрушителем праздника, – прошептал своему соседу по столу маркиз Вилларсо.

– Какой трагический вид сегодня у нашего дорогого министра! – прибавил другой царедворец.

И он стал тихонько напевать модный в то время куплет:

Il est toujours furibond,
Le compère, le compère;
Il est toujours furibond

²⁰ Генерал-квартирмейстер – один из заместителей главнокомандующего в армии.

Et ma par sauts et par bonds.²¹

Внезапно король обратился к своим приглашенным:

– Господа, к моему большому сожалению, партия окончилась.

Он поклонился дамам, учтиво поцеловал руку Марии Фонтанж и удалился с Лувуа.

Согласно этикету игроки покинули столы.

* * *

Людовик XIV и Лувуа вскоре вошли в большой кабинет, где начальник полиции, Ларейни, уже ожидал их.

Едва только дверь закрылась, король с озабоченным лицом спросил Лувуа:

– Какую особенно важную новость, сударь, должны вы мне передать, чтобы принудить меня расстаться таким образом с моими приглашенными?

Министр с минуту углубился в себя, потом серьезным голосом начал:

– Государь, если у вас есть верные подданные, готовые пожертвовать своей жизнью ради вашего величества, то у вас также есть, что вам неизвестно, многочисленные враги. Уже давно внезапные, таинственные, необъяснимые смерти омрачают ваш двор. Даже многие члены вашей августейшей семьи не избежали этого. Тому девять лет жена вашего брата умерла в припадке кашля. После того как она выпила чашку цикорной воды, она почувствовала боль, которая унесла ее в могилу в несколько часов. Первый отчет доктора, вы помните, государь, был убедителен. Несмотря на принятые меры, чтобы замаскировать истину, она умерла от отравления!.. Из государственных соображений, вы считали неуместным рассеять сомнения, которые еще витают вокруг этого трагического события.

Король, предавшись мрачным предчувствиям, не осмеливался прервать своего министра. Он знал цену откровенности Лувуа.

– Случаи преступных отравлений, – продолжал министр, – увеличиваются ужасающим образом, и не проходит дня, чтобы нам не указывали на какого-нибудь злодея, занимающегося торговлей отравками. Таким образом, со времени казни маркизы Бренвилье можно было наложить руку на целую шайку отравителей во главе с кавалером Баненом. Несмотря на все наши усилия, яд, увы, продолжает свое дело, и безжалостная смерть приходит, сея повсюду траур и ужас... Другие дворы не избежали этой ужасной жатвы.

Эти слова прозвучали, как похоронный звон, среди торжественного молчания, царившего в комнате. Лувуа продолжал:

– Итак, государь, стольких жертв им еще недостаточно. На этот раз отравители осмелились простереть свою преступную руку в ваш дворец.

При этих словах король побледнел в ужасе.

– Вы говорите, в мой дворец?

– Да, государь. Тому два дня королева, прежде чем заснуть, потребовала стакан оранжада²². Когда его подали, ее величество дремала... Ее не хотели будить... Таким образом, оранжад остался там всю ночь, и королева до него не дотронулась. На другой день этот напиток унесли... Несколько часов спустя с одним из дежурных лакеев сделался ужасный мучительный припадок. Допрошенный доктором, он признался, что выпил стакан оранжада, предназначенный королеве. Вскоре несчастный умер. Я взял на себя сделать распоряжение о вскрытии тела. Вот отчет доктора и хирурга. Ваше величество, не удостоите ли взглянуть? Вы увидите, что симптомы, предшествовавшие смерти этого человека, те же, какие предшествовали смерти

²¹ Он всегда сердит, Приятель мой, куманек. Он всегда сердит, А я – прыг-скок (фр.).

²² Оранжад – прохладительный напиток из апельсинового сока и содовой воды.

вашей невестки, и повреждения, оказавшиеся в некоторых частях тела, тожественны. Все, государь, заставляет предполагать, что хотели отравить королеву... Таково это гнусное открытие. Не должен ли был я поторопиться уведомить вас, ваше величество?

Это известие сразило короля.

– Государь, – сказал в свою очередь начальник полиции, – будем надеяться, что с Божией помощью нам наконец удастся положить предел этим преступлениям. Что касается меня, то я, не дожидаясь ваших распоряжений, отдал самый строгий приказ. Многие подозрительные дома уже в течение некоторого времени служат предметом особого наблюдения. Я снова допрошу отравителей, заключенных в Бастилию, а также и недавно арестованных помощником прево²³, Дегрэ, по доносу одного адвоката, которые в данный момент арестованы и находятся в вашем Венсенском замке. Может быть, мы добьемся с этой стороны важных разоблачений теми средствами, которыми мы располагаем. Серьезные улики, тяготеющие над ними, скоро прояснят дело. Пусть ваше величество уполномочит нас, и я отвечаю за обнаружение виновных.

Ларейни и Лувуа ожидали решения короля, который, стоя у своего кресла, задумался, следуя за течением своих мыслей.

После долгого молчания он сказал дрожащим от волнения голосом:

– Господа, благодарю вас за усердие, я глубоко тронут вашим рвением. Даю вам полномочия и, что бы ни случилось, я вас защищу.

²³ Прево – здесь: королевский чиновник по судебным делам.

Глава VII

Любовные дела Романи

В одно из воскресений около середины октября 1678 года госпожа Вуазен была вызвана в Сен-Жермен к одному из своих друзей и наперсников, по имени Лэже, лакею герцога Монтозье. Этот Лэже обязался облегчить ей возможность вручить королю прошение, чтобы добиться освобождения некоего Блесси, которого маркиз Терм упорно держал в своем замке Фонтенэ, в Бри.

Госпожа Вуазен, пользуясь своим приездом в Сен-Жермен, посетила свою дочь, оставшуюся под присмотром старой служанки в своем маленьком доме. Она нашла Маргариту мечтательной и очень меланхоличной – одиночество ее тяготило, и она просила мать взять ее с собой.

– Понимаете ли, дорогая мама, я здесь до смерти скучаю. Скоро придет зима... А затем – вас, главное, вас, мне недостает...

– Крошка моя, – возразила госпожа Вуазен, – надо быть послушной... Если я оставляю тебя здесь одну, то потому, что меня к этому обязывают серьезные причины... Потом, ты знаешь, это воля твоего отца.

Маргарита так ее просила и представила такие доводы, что мать наконец согласилась взять ее с собой.

Госпожа Вуазен поместила дочь в комнате, которая была очень кокетливо убрана модным обойщиком по имени Ленуар. Эта комната была расположена в первом этаже дома и выходила в сад.

Со времени своего приезда в Париж Маргарита видела своего отца только два-три раза, и при этом он оставался в доме только несколько минут. Госпожа Вуазен, должно быть, серьезно обижалась на своего мужа. Ведь Маргарита слышала, как после его последнего посещения мать воскликнула, что «впредь она отказывается принимать у себя человека, у которого так мало здравого смысла, и который может служить лишь к ее краху, после того, как так долго жил за счет жены».

Но беззаботная Маргарита не старалась постичь смысла этих слов.

У госпожи Вуазен была служанка Марго, которая, казалось, была ей очень предана. Именно поэтому хозяйка часто давала ей маленькие пакетики, которые поручала отнести в сопровождении Маргариты к различным лицам.

Последняя сильно привыкла к этим приятным прогулкам. И потом надо сказать, что во время своих прогулок по городу, более подходящих к ее нраву, чем спокойное житье в домике среди полей, она встретила красивого офицера королевской стражи, который по дороге слегка ухаживал за Маргаритой. Мало-помалу ее наивное сердце взволновалось, и она безумно в него влюбилась... Таким образом она теперь смотрела с полным безразличием на чудеса Парижа. Каждый выход был для нее новой радостью, так как она знала, что ее обожатель поджидает ее.

Среди близких людей ее матери она встречала Лезажа, жившего у них в доме, и Романи, тех самых, которые регулярно, каждую неделю, приезжали в Сен-Жермен. Госпожа Вуазен запиралась с этими двумя аколитами²⁴ в своем таинственном кабинете – единственной комнате, куда еще не могла проникнуть Маргарита.

Лезаж, или, вернее, Адам Кёрэ, был человеком лет пятидесяти, среднего роста и носил рыжий парик, телосложение имел непривлекательное и обыкновенно одевался в серый камзол

²⁴ Аколит – первоначально в Римско-католической церкви так назывался малый чин духовенства, помощник епископа или священника, а впоследствии – мирянин, который выполнял определенные обязанности на богослужении.

и баркановый плащ. Уроженец Вена, близ Каена, он рано приехал в Париж, где обосновался как торговец шерстью. В сущности же он занялся совсем другого рода торговлей. С ним случались самые необыкновенные приключения. Около 1667 года он был приговорен к галерам за сатанинские обряды. Госпожа Вуазен, которая была его приятельницей, предпринимала тогда деятельную попытку, чтобы добиться его освобождения. Наконец, чрез пять лет, в 1672 году, ее усилия увенчались успехом, и в виду Генуэзского порта к галере, где гроб Лезаж, пристал корабль, который привез помилование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.